

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ОЛИВЬЕ НОРЕК

МЕЖ
ДВУХ
МИРОВ

РОМАН

18+

Далекий от привычных клише, реализм Норека действует как пощечина.

L'Express

Звезды мирового детектива

Оливье Норек

Меж двух миров

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Норек О.

Меж двух миров / О. Норек — «Азбука-Аттикус»,
2017 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-19141-9

Главный герой остросюжетного романа Оливье Норека «Меж двух миров» – Адам Саркис, специальный агент военной полиции в Дамаске. Когда его семье грозит смертельная опасность, Адам отправляет жену и шестилетнюю дочь в Европу, надеясь вскоре последовать за ними. Однако судьба решает иначе. Когда Адам оказывается во Франции, где должен был встретиться с Норой и Майей, он нигде не может их найти. Самые дорогие ему люди пропали без вести, и шансы отыскать их в безумном, жестоком мире эмигрантских трущоб близки к нулю. Однако Адам не теряет надежды: у него есть фотография Норы и Майи, у него есть странные, неожиданные помощники, наконец, у него есть вера, которая способна творить невозможное. Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-19141-9

© Норек О., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Ребенок	6
Безумец	7
Часть первая	9
1	9
2	11
3	14
4	16
5	19
6	23
7	25
8	28
9	32
Часть вторая	35
10	35
11	39
12	43
13	47
14	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Оливье Норек

Меж двух миров

*Моему деду Герберту Нореку,
силезскому беженцу,
ставшему французским гражданином*

© М. И. Брусовани, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

В условиях жестокой действительности я не осмелился ничего сочинять. Было придумано только полицейское расследование, основанное на реальных фактах. Я благодарю фликов Кале, фликов из разведывательного управления, жителей Кале, журналистов, мои источники в НЦНИ¹ и Институте политических исследований², добровольных гуманистов, но прежде всего тех мужчин и женщин, которые, спасаясь от ужаса войн, согласились сдать.

¹ Национальный центр научных исследований – ведущее государственное научное учреждение Франции, объединяющее государственные организации, специализирующиеся в области прикладных и фундаментальных исследований, и координирующее их деятельность на национальном уровне. – *Здесь и далее, кроме отмеченных особо, примеч. перев.*

² Институт политических исследований – кузница политической и дипломатической элиты Франции.

Ребенок

Где-то в Средиземном море

Двинув рукоятку переключения скорости, он увеличил количество оборотов и воспользовался ревом старого двигателя, чтобы заглушить свои слова и не спровоцировать несчастный случай или панику.

– Бросай ее за борт.

– Прямо сейчас?

– От нее будет проще избавиться в открытом море, чем на парковке в зоне отдыха. Она кашляет с самого отбытия. Не хочешь же ты, чтобы нас засекли, когда мы напишем их в грузовики.

На небольшом суденышке двести семьдесят три мигранта. Разного возраста, пола, происхождения, цвета кожи. Страдающих от качки, промокших, замерзших, перепуганных.

– Я, наверное, не смогу. Давай ты.

Вздых раздражения. И только. Второй оставил штурвал и, бесцеремонно расталкивая пассажиров, решительно двинулся к прячущейся в гуще толпы женщине. При его приближении та еще крепче прижала к себе детское тельце, которое оберегала от всех, плотно приложила ладонь к холодному рту малышки и попросила ее перестать кашлять. От страха девчушка выронила потертого фиолетового плюшевого кролика, которого мужчина, даже не заметив, раздавил ногой. И обратился к матери:

– Твоя девчонка... Ты должна бросить ее за борт.

Безумец

Лагерь мигрантов в Кале. Октябрь 2016 г.

*Последний день сноса «Джунглей»*³

Ненасытные экскаваторы проглотили лачуги и палатки, превратив их в груду обломков и мусора, чтобы чуть поодаль сгрести их в горы пластика, тряпья и одежды, которые будут уничтожены огнем, когда стихнет ветер.

Теперь в этих ландшафтах не оставалось ничего из того, что было построено надеждой.

Одноковшовый экскаватор поднял механическую челюсть и приготовился пересечь эту заваленную осколками неизвестных жизней ничейную землю. Заработал двигатель, механизм трянуло на неровной, прихваченной морозом поверхности, и он напрямик направился к следующей цели – старой лачуге из деревянных поддонов с картонной крышей. Одной из последних.

Несколько лет назад эту территорию делили между собой свалка и кладбище. Затем государство разместило там беженцев, стремившихся попасть в Англию. Нынче утром на пустырь вернулась свалка. Но когда мощные клыки экскаватора вонзились в землю, воскресло и кладбище.

Поскольку на поверхности показались три наполовину вырытые экскаватором руки, рабочие сделали вывод, что там, в этой дыре, в непосредственной близости от лагеря, как минимум два тела. Одна рука явно детская, судя по размеру. О чем руководителю бригады незамедлительно было отправлено видеосообщение.

Стараясь оставаться незамеченной и одновременно не теряя из вида маневры техники, вдоль кромки окаймлявших «Джунгли» деревьев проследовала какая-то тень. Рабочие же сгруппировались вокруг своей находки, практически загипнотизированные ужасом.

Один из них поднял глаза и увидел на опушке леса силуэт. Лохмотья, длинные немытые волосы, темная или попросту грязная кожа. И заржавленный мачете в висящей вдоль бедра руке. Незнакомец осторожно приблизился, пугливо всматриваясь в каждого как в потенциальную угрозу. При каждом шаге лезвие билось о его бедро. Не нашлось ни одного смельчака, который отважился бы преградить ему путь, и все отступили на шаг.

Подойдя к яме, вызывающий беспокойство незнакомец опустился на колени и принялся руками расчищать землю, которая еще покрывала трупы. Сперва испуганно, сопровождая свои движения каким-то звериным ворчанием, потом все более и более спокойно. Он прикоснулся к руке, погладил ладонь, будто она была живая. Схватил детскую ручку, чтобы поднести ее прямо к глазам, затем понюхал и бросил. Мертвая и негнущаяся, она несколько секунд твердо и прямо стояла, прежде чем медленно опуститься на землю под собственной тяжестью.

³ В 1998 г. сотни мигрантов, стремившихся в Великобританию, чтобы получить убежище, основали палаточный лагерь неподалеку от входа в открытый четырьмя годами раньше туннель под Ла-Маншем. В 1999 г. Красный Крест организовал для них в одном из заброшенных железнодорожных ангаров гуманитарный центр по приему и размещению «Сангат», что вызвало недовольство местных жителей и опасения британцев, так что еще через два года Лондон добился от Франции закрытия центра при условии принять три четверти его обитателей. Соглашение вступило в силу в декабре 2002 г., и центр «Сангат», где на тот момент уже находились 1600 человек, был закрыт, а оставшиеся его обитатели поселились на северо-восточной окраине Кале. После чего в феврале 2003 г. Великобритания и Франция заключили в Ле-Туке-Пари-Плаж соглашение о размещении британского пограничного контроля на ключевых трассах французского побережья Ла-Манша и Северного моря. Захваченная мигрантами территория получила название «Джунгли», и в них по-прежнему проживали около 700 мигрантов. В 2009 г. и этот лагерь был уничтожен при силовой поддержке полицейского спецназа, однако в апреле 2015 г. на северо-востоке от Кале появились новые «Джунгли», где проживали от 6400 до 8100 мигрантов. В ходе операции, которая проводилась с 29 февраля по 16 марта 2016 г., этот лагерь также был разобран. В надежде перебраться через Канал мигранты регулярно атаковали грузовики, направлявшиеся на паромы. В результате в сентябре британцы начали финансировать строительство стены вдоль автомобильной трассы, ведущей в порт Кале. Демонтаж лагерей мигрантов в районе Кале ведется до сих пор.

Даже при свете дня человек выглядел собственной тенью. Этот ворох омерзительных вонючих тряпок погрузил руки в груды трупов, но внезапно перестал в ней копать, словно утратил всякую надежду. В какой-то растерянности он поднялся с колен и, пятясь и по-прежнему держа в руке мачете, отступил, чтобы снова исчезнуть в лесу.

Флик, получивший уточненные сведения, передал их по телефону прокурору Республики, который все еще сомневался, следует ли ему выезжать на место.

– Криминалисты насчитали семь тел.

– Взрослые?

– Не все.

Полицейский у телефона закончил отчет, и его напарник позволил себе замечание:

– Почему ты ему не сказал про того странного типа с мачете?

– Приберег для лейтенанта. Его одного интересует эта помойка. Если я скажу кому-нибудь из высшего начальства о странном типе с мачете, придется найти странного типа с мачете. А лесная прогулка, да еще вечером, что-то не слишком меня привлекает.

– Заметь, мы уже два года закрываем на это глаза вовсе не для того, чтобы сегодня вдруг открыть их.

Часть первая

Бежать

1

Дамаск, Сирия. Июнь 2016 г. Сектор 215 – Military Intelligence (Служба военной разведки)
Допросная в тюрьме

Последний удар раздробил надбровную дугу, но крики обнаженного, привязанного к стулу человека не проникли сквозь толщу подвальных стен. На пыльную желтую плитку комнаты без окон потекла кровь. Адам ухватил узника за затылок и прижал его лоб к своему, пот наносящего удары смешался с потом того, кто их получал.

– Ты заговоришь. Никакая причина не может быть достаточно веской, чтобы заставить тебя вытерпеть предстоящее. Ты об этом знаешь?

В глубине помещения Салим поставил на деревянный стол деформировавшуюся от жары бутылку воды и утер рот рукавом. Поднявшись с места, он схватил толстый черный пластиковый кабель, внутри которого были переплетены электрические провода. Тяжелый и прочный, гораздо более действенный, чем дубинка. Он принялся ходить вокруг связанного человека и бросил Адаму:

– Ты строишь слишком длинные фразы и без единого вопроса. Сразу видать, ты парень кабинетный. Он отлично знает, что мы хотим услышать. С ним и говорить-то нечего.

Удар дубинки обрушился на левое колено, и так уже здорово опухшее, раздробленное и кровоточащее. Другое пока оставалось невредимым. Пластиковый кабель взвился вверх еще дважды и ударил точно в то же самое место, прямо по оголенным нервам. Изнывающий от боли узник не мог даже кричать. Он согнулся вдвое и не переставая зывал к Богу, бормоча одни и те же слова молитвы. А поскольку Бог у них был общий, Салим взъярился:

– В любом случае палкой и проводом мы ничего не добьемся. Я тебе уже час талдычу, что пора переходить на кислоту...

– Тебе от него ответы нужны или ты просто хочешь его изуродовать? – спросил Адам. – От кислоты они просто теряют сознание. Попытки – это еще и передышка, иначе они не работают. Кислота разъедает кожу долгое время, и они не ощущают разницы, когда ты их пытаешь и когда делаешь паузу.

Казалось, Салим удивился:

– Выходит, тебе это не впервой? А я-то думал, вы у себя там, в Управе⁴, не любите выполнять грязную работу.

– Этот парень – особый случай. Он мой. Я хочу участвовать во всем, – возразил Адам, направляясь к заключенному.

Он положил руку ему на плечо и прошипел на ухо:

– Слышишь меня, ты! Я от тебя не отстану.

Салим посмотрел на часы и решил, что пора устроить себе перекур, но вернулся он вместе со своим начальником. Этот последний посетовал на их медлительность и спровадил Адама, даже не удостоив его взглядом.

⁴ Центральное управление судебной полиции – управление национальной полиции Франции, занимающееся расследованием и борьбой с серьезными преступлениями.

– Сообщите в министерстве, что мы не нуждаемся в наставниках. Этот парень заговорит, как и все остальные, независимо от того, будете вы здесь или нет, и мы, разумеется, расколем его не при помощи своих кулаков.

По его приказанию Адам был выпровожен за дверь, но до того, как она захлопнулась, он рискнул спросить Салима:

– Значит, кислота?

– Нет. *Basat al-reeh*.

Это значит, что заключенного привязывают к доске вверх ногами. В течение часа кровь прильет к голове, сдавит мозг, и он почувствует, как глаза у него вылезают из орбит и вот-вот лопнут. В этот самый момент ему начнут наносить удары ногами по голове.

А если уж он и тут не заговорит, дело довершит кислота.

Адам поднялся из подвала на внутреннем лифте – единственном, который обслуживал подземную часть здания. Оказавшись на улице, в атмосфере относительной свободы, он несколько раз как можно глубже вдохнул, чтобы изгнать из легких зараженный воздух, еще отравлявший его легкие. Но как бы он ни старался, запах крови и едкого пота все равно пропитал его форму.

Перед ним, в нескольких десятках метров, в этом нетронутом квартале Дамаска, находящемся под защитой режима, располагалось величественное здание факультета медицины и литературы.

Он вспомнил про Алеппо, всего в трехстах пятидесяти километрах севернее. Его рухнувшие здания, выставившие напоказ обстановку комнат, будто кукольные домики. Его лежащие в развалинах, сколько хватает глаз, постройки, ни одна из которых не превышала двух этажей. Его проспекты со стоящими на них сгоревшими или взорванными автомобилями... И во всем этом хаосе, среди полиции и военных, в грохоте армейских внедорожников и танков – перепуганное и покорное население, которое продолжало жить, – похоже на русскую рулетку.

Дамаск. Адам находился там, где надо, и порядок здесь был такой, как надо. Флик с пятнадцатилетним стажем, а теперь специальный агент военной полиции режима Башара Асада. Его никто бы не заподозрил. Возможно, до того как его убьют, ему даже удастся спасти жену и дочь. Времени оставалось совсем мало.

Он окликнул такси и быстро нырнул в него.

– Мухаджирин, главная улица.

– Улица длинная, – заметил водитель.

– У подножия холма будет отлично.

Адам больше никому не доверял и не имел никакого желания давать свой точный адрес незнакомому человеку.

2

Покупая шесть лет назад квартиру, Адам не обратил особого внимания на название этого дамасского квартала для среднего класса. *Мухаджирин*⁵. Те, кто путешествует. Мигранты.

Два поворота ключа – и он вихрем ворвался в прихожую. Нора услышала его из кухни, и ее сердце забилось сильнее. Даже еще не видя лица мужа, она поняла, что момент настал. Тот момент, к которому они подготовились. От него зависела их жизнь.

– Ну что? – спросила она, обеспокоенная тем, что он вернулся домой средь бела дня.

– Его перевели в сектор двести пятнадцать. Он не выдержит. Где Майя?

– У себя в комнате.

– Ты знаешь, что тебе делать. Два чемодана. По одному для каждой. Действуй. А мне надо позвонить.

Нора поцеловала Адама. Своими еще влажными от чая губами. В его пересохшие от тревоги губы. Он развернулся и направился к выходу. Снял деревянную панель, скрывающую бойлер, засунул руку глубоко под резервуар и отцепил мобильный телефон, приклеенный к нему снизу двумя лентами толстого скотча. Набрав номер, обошелся без всякого вступления.

– Сегодня вечером. Нора и Майя. Это еще возможно?

– Ты с ними не едешь?

– Это подвергло бы их опасности. Тарека взяли.

– Знаю. Думаешь, он заговорит?

– Конечно заговорит. И кто бы на него рассердился? Заполучив человека из США⁶, они не станут торопиться.

– Им известно, что операция «Павел» – это наша инициатива?

– Надеюсь, нет. Я сегодня видел Тарека в камере пыток, и он выстоял. Он спас мне жизнь. Но когда они его сломают – тебе обещают: они его сломают, – он назовет мое имя и я стану мишенью. Мои жена и дочь – тоже. Они должны уехать без меня. Потом я присоединюсь к ним. Я все для этого сделаю.

– *Inch'Allah*⁷.

– Ага, это в его интересах.

* * *

Меньше чем за минуту уложив чемодан, Нора собиралась поставить его к дверям. Оказавшись на пересечении двух тесных коридорчиков квартиры, она натолкнулась на комод в прихожей. Стоявшая на нем рамка с фотографией упала на пол, и стекло разбилось. На Нору нахлынули воспоминания, словно только стеклянная преграда их и удерживала.

2015 год. Майе шесть лет.

Черные волосы Норы тщательно выпрямлены, они струятся по ее плечам, словно поток черной туши. Майя с любопытством и жадностью глядит на все вокруг. Девочка, которую невозможно упротить сосредоточиться, даже чтобы просто сфотографироваться. Их обнимает Адам, высокий и широкоплечий. Атлетического телосложения, что особенно ценилось, когда

⁵ *Мухаджирин* – «выселившиеся». Так, до покорения Мекки в 8 году хиджры, назывались мусульмане, которые, спасаясь от жестоких гонений язычников, покинули родной город и переселились вначале в Эфиопию, а затем в Медину. Ради своей веры многие из этих людей порвали родственные узы со своими близкими, оставили и потеряли в Мекке все свое имущество.

⁶ *Свободная сирийская армия* – одна из крупнейших вооруженных группировок в Сирии, ведущих борьбу против правительства, возглавляемого президентом Б. Асадом. – *Примеч. автора.*

⁷ *Иншаллах* – молитвенное восклицание, букв.: «если пожелает Аллах».

он был студентом школы полиции. Той самой школы, которую спустя несколько лет взорвал переодетый в полицейскую форму человек из ИГИЛ. Тогда погибли два десятка человек. Адам по кускам собирал коллег, своих бывших инструкторов и нескольких гражданских.

Прежде он был примерным полицейским, исправным, верящим в свою страну и свое руководство. Он был преисполнен надежд, когда вместе с арабскими революциями на Сирию дохнул ветер демократии. Когда, как в Тунисе или в Египте, народ неожиданно осознал возможность борьбы за свои свободы.

Однако это благородное движение очень скоро было утоплено в крови тысяч демонстрантов, что привело страну к гражданской войне. И, воспользовавшись этой слабостью, Исламское государство еще сильнее принялось мучить население своей жестокостью и обскурантизмом, словно вирус – изнуренное тело. С тех пор у двоих палачей появилась одна и та же жертва. Диктатура Башара Асада и безумие ИГИЛ против безоружного сирийского народа. Именно вследствие подавления армией этого мирного протеста Адам принял решение включиться в борьбу. Не желая быть всего лишь свидетелем агонии своей страны, он примкнул к мятежному звену Свободной сирийской армии и встал на самую рискованную позицию противодействия правительству. Внедрившись в него через военную полицию.

Была ли это химия – так звери чувствуют тревогу или страх – или же интуиция – так нам удается без слов понять своих близких, – но на этот раз Майя не отвлекалась. Она осознавала, несмотря на свой юный возраст, что происходит нечто очень важное и что капризы и вопросы следует оставить на потом. Из детской она услышала голос отца:

– Днем вы отправитесь к Элиасу. Вечером он по военной дороге отвезет вас в Бейрут, а оттуда ночным самолетом вас доставят в Триполи, в Ливию. Это будет самой простой частью вашего путешествия. Сходи за Майей, я вызову такси.

– Мы едем к дяде Элиасу?

Нора обернулась к дочери, которая старательно тащила из детской свой чемодан, и, глядя на нее, такую маленькую и наивную, подумала, что предстоящая поездка будет совсем небезопасной.

Адам направился в гостиную и, несмотря на свой внушительный рост, привстал на цыпочки, чтобы взять с верхней полки стеллажа «Фантомаса» на языке оригинала. Париж, его тайны и интриги, описанные Сувестром и Алленом⁸ в трех томах, – и спрятанный в каждом томе паспорт. Два он отдал Норе, а свой положил в задний карман. Теперь необходимость бежать могла возникнуть в любое мгновение.

У подножия холма, где вырос квартал Мухаджирин, Адам, держа чемоданы у ноги, словно выдрессированных собак, в который раз повторил жене свои инструкции. Скорее ради собственного успокоения, потому что на самом деле Нора знала их наизусть. Семья дожидалась прибытия такси. Все это время Майя оставалась непривычно молчаливой, и родители не могли не отметить, что их дочь как-то вдруг повзрослела. Какая же она умная. Смелая. Каждый из них размышлял, что она может понимать в сложившейся ситуации и что от нее ускользает. Пока неожиданно ее глаза вдруг не округлились и не наполнились безропотным страданием.

– Что, Майя? – всполошилась Нора.

Девочка ответила не сразу. Отец наверняка скажет, что это ребячество, и все же она не сдержалась.

– Мсье Бу!

⁸ *Пьер Сувестр* (1874–1914) и *Марсель Аллен* (1885–1969) – французские писатели и журналисты, известны прежде всего циклом романов о Фантомасе.

Такси пока не подъехало, и Адам не устоял перед отчаянием во взгляде дочери. Спринтерский забег до отдышки, а потом подъем на три этажа, перепрыгивая через ступеньки, – и он оказался в ее спальне, выдержанной в пастельных тонах. Поискал под одеялом, под кроватью, между подушками и наконец нашел мсье Бу – старого фиолетового кролика из потертого плюша.

Когда дочка только родилась, он прозвал ее Арнуба – «мой крольчонок». Потом она захотела завести живого кролика, но у Норы была аллергия на шерсть зверушек, так что девочке в утешение появился плюшевый Арнуба, которого она уже не выпускала из рук. В устах дочери, как у всякого ребенка, его имя исказилось; так крольчонок Арнуба был переименован в мсье Бу.

Адам наивно понадеялся, что мсье Бу сможет защитить Майю во время пересечения самых опасных стран планеты.

Когда Нора и Адам, усадив Майю на заднее сиденье и погрузив чемоданы в багажник такси, обнялись, ни один из них не захотел придать своему поцелую какого-то особенного значения. Это должен быть обычный поцелуй, как будто и вообразить невозможно, что за ним никогда не последуют другие. Однако невольные слезы Норы выдали эмоциональную напряженность обоих. Они буквально умирали от страха друг за друга.

– Я тебя догоню, – пообещал ей Адам, открывая дверцу машины. – Позвони мне из гостиницы, как только доберешься до Триполи.

Майя дыхла на окно и нарисовала на запотевшем стекле сердечко. Когда такси тронулось с места, она по губам отцам прочла: «Я тебя люблю».

3

Триполи, Ливия

Гостиница «Авал»

03:00

– Ну как гостиница? – спросил Адам.

Едва приехав, Нора усадила Майю перед плоским экраном телевизора, но всего десяти минут оказалось достаточно, чтобы девчужке наскучили супербодрящие клипы музыкального канала. Ее ножки нащупали толстый ковер, и она принялась исследовать свой комфортабельный номер в четырехзвездочном отеле. Шелковистые простыни, просторная ванная комната и широкие окна, за которыми она под защитой ночной темноты рассмотрела огни национального музея Асарайя⁹ справа и освещение четырехэтажной оттоманской часовой башни¹⁰ слева. В городе раздалась долгая пулеметная очередь и эхом отразилась от стен домов и зданий. Любой европейский ребенок принял бы это за хлопки петард или за салют, но Майя, прекрасно понимающая происхождение этих звуков, поспешно отошла от окна.

Она продолжила изучение номера и дошла до комнаты с двуспальной кроватью, где ее мать уже распаковала вещи, необходимые для короткого ночлега. Когда девочка собиралась заглянуть туда, Нора, с зажатым между плечом и ухом телефоном, толчком ноги закрыла дверь прямо у нее перед носом и продолжила разговор:

– Гостиница? Великолепная. Но, по правде говоря, вся эта роскошь производит странное впечатление. Зная, что нас ждет...

– Майя в порядке? – встревожился Адам.

– Да. Почти. Но мне кажется, она простудилась под кондиционерами в аэропорту: нам пришлось ждать пересадки в Аммане больше двух часов. С тех пор как мы поднялись в воздух и до самого прибытия в Триполи она непрестанно кашляет.

– Вам ни в коем случае не следовало ехать одним. Но отослать вас подальше от Дамаска и от меня было единственной возможностью защитить вас. Я страшно огорчен.

– Я запрещаю тебе огорчаться, *houbbie*¹¹. Ты делаешь для нас все, что нужно.

Адам вспомнил, как тремя месяцами ранее готовил эту поездку: была организована операция «Павел» и, объективно рассуждая, следовало ожидать возможного провала. Отсюда необходимость удаления семьи.

– Почему бы не через Турцию? – предложила Нора, уперев палец в карту Востока. – Из Дамаска в Алеппо, потом из Турции на Балканы. Мы бы вообще не коснулись воды, и это гораздо более короткий путь в Европу.

– Тебе известно, сколько пропускных пунктов с севера на юг Сирии, между Дамаском и Алеппо? – возразил Адам. – Между правительственными и игиловскими зонами их насчитываются десятки, не говоря уже о непредвиденных проверках. Уедем ли мы втроем, или по какой-либо причине вам придется отправиться без меня, только тебе и Майе, это ничего не меняет: я офицер, служу сирийскому правительству, и на первом же пропускном пункте ИГИЛ меня пристрелят. А вы с Майей...

Ему было мучительно трудно сформулировать свою мысль. Она заключалась в том, что смерть стала бы наиболее удачным выходом.

⁹ Асарайя, «Красный дворец» (иначе – крепость Казба-ас-сарай-аль-Хамра), является одной из наиболее интересных исторических достопримечательностей Триполи.

¹⁰ Сторожевая башня находится в центре Триполи, на площади Аль-Телль. Построена во времена Османской империи.

¹¹ Любовь моя (араб.).

– Так что это будет гражданский самолет до Триполи, в Ливию, затем переправа через Средиземное море, а там уж вы окажетесь в Италии. После чего пересечете Европу и встретитесь с твоим кузеном в Англии. Туда ежегодно прибывают полмиллиона мигрантов, так что не вижу никаких причин, по которым мы оказались бы не способны сделать это. Настоящая проблема заключается в том, что я служу правительству Башара, и по этой причине Франция никогда не выдаст нам визы беженцев.

– Но ты ведь сражаешься как раз против этого правительства!

– Изнутри, да. И тайно, чтобы не было никаких улик. Так что пробираться в Англию придется нелегально, через Кале. На это потребуется время, но мы будем терпеливы. Ты же видела в Интернете, есть одно место, где мы сможем остаться. Его называют «Джунгли».

– Это больше похоже на лагерь беженцев.

– Возможно, но там есть охраняемое поселение для женщин и детей, а это самое главное. Я возьму на себя поиск перевозчика, который обеспечит нам место в легковом автомобиле или в грузовике, а потом воспользуемся паромом или Евротоннелем¹². Твой кузен будет ждать нас на противоположном берегу Ла-Манша. Он обещал помочь.

– Я знаю, что ты предпочел бы остаться во Франции.

– У нас там нет никакой родни. К тому же, я думаю, Франция уже не та страна, которую я знал. Англия нам отлично подойдет.

Прежде, глядя на карту Востока в своей уютной гостиной, где звучала мелодия колыбельной для Майи, такой план представлялся им осуществимым.

Теперь же, оказавшись с малышкой в Триполи, Нора была напугана и гораздо меньше уверена в успехе.

– Тебе удалось снова повидать Тарека?

– Завтра ближе к вечеру. Я подал новое требование для участия в его допросе. Очень надеюсь, что не привлеку к себе лишнего внимания. Мне кажется, будто все на меня смотрят, что всем все известно.

– Как тут не стать параноиком, *houbbi*, – ведь ты переодетый лисом петух в стае волков.

– И зачем только я так себя описал, теперь ты превращаешь это в шутку, – развеселился Адам.

¹² Железнодорожный двухпутный тоннель под Ла-Маншем длиной около 51 км, из которых 39 км проходят под проливом. Соединяет континентальную Европу с Великобританией.

4

Портовый город Гарабули¹³, Ливия

05:00

После нескольких часов прерываемого кошмарами сна Нора нежно прикоснулась к плечу дочери и, когда та открыла глаза, осыпала ее горячими поцелуями:

– Вставай, любовь моя. Сегодня мы переплывем Средиземное море.

Майя наконец поднялась и, волоча ноги, словно маленький зомби, поплелась в ванную, держа мсье Бу за лапку вниз головой.

Потом Нора снова закрыла чемоданы, которые едва потревожила накануне.

Меньше чем через полчаса таксист забрал Нору и Майю из холла гостиницы. Автомобиль преодолел сорок километров, отделявшие Триполи от Гарабули, где уже была назначена встреча.

* * *

С первыми лучами зари они оказались одни в нескольких метрах от пляжа, который, казалось, не имел ни начала ни конца. Здесь – белые песчаные дюны, там – скорее скалистый рельеф, о который разбивались волны. Место, если не знать его истории, райское. Однако полгода назад вследствие конфликта между перевозчиками и беженцами шедшее из Египта судно перевернулось в нескольких километрах от ливийского побережья, и волны выбросили на пляж Гарабули двести сорок пять тел как дань человеческой глупости.

Феруз – найденный Адамом посредник – опаздывал уже на час. Обеспокоенные его отсутствием, они провели это время, вглядываясь в лица редких в столь ранний час прохожих, каждый раз надеясь, что это идут за ними и вот-вот произнесут их имена. Тщетно.

Вдалеке, на ухабистой дороге, возникло облако пыли, возвестившее о приближении пикапа с окруженным горсткой солдат внушительным станковым пулеметом на крыше. Когда военный автомобиль приблизился, Нора поспешно спрятала Майю за спину и поправила покрывало на голове, чтобы волосы были пристойно скрыты под ним. Нора забыла этот жест с тех пор, как вышла за Адама. Пикап промчался мимо, но, даже опустив глаза, Нора знала, что военные внимательно рассмотрели и оценили ее.

В 6:15 иностранная рабочая сила – в основном нигерийцы – официально начала рабочий день, отправившись на изнурительные стройки и плохо оплачиваемые работы. В это же самое время открылось первое кафе, и Нора с малышкой устроились там за столиком. Связываться сейчас с Адамом означало только зря встревожить его, а поскольку больше ничего не оставалось делать, Нора решила запастись терпением.

В семь утра перед кафе прошел какой-то мужчина лет шестидесяти, как будто ищущий кого-то. Он казался уставшим от своего избыточного веса, и усиливающаяся жара усугубляла дело. Когда он, все с тем же настороженным взглядом, появился во второй раз, Нора поднялась из-за стола и, взяв с Майи клятву не двигаться с места, вышла из кафе. Девочка сквозь окно следила за матерью. Та сперва держалась на почтительном расстоянии от незнакомца, потом, во время разговора, уперла кулаки в бока и наконец дважды провела ладонью по волосам. Майя поняла, что в их путешествии возникли какие-то препятствия.

Вернувшись в кафе, Нора плюхнулась на стул и полезла в карман за мобильником.

– Мы уже никуда не едем? – спросила Майя.

¹³ *Кастельверде* (ит. Зеленый замок), он же *Гарабули* – город на северо-западе Ливии, недалеко от побережья Средиземного моря.

– Подожди, сейчас свяжусь с отцом.

Телефон Адама зазвонил, когда он находился в душе. Они договорились, что Нора даст знать, как только встретится с посредником в Гарабули. Мокрый, в облаке пара он выскочил из-под душа и, чтобы не пропустить звонок, не подумал накинуть халат. Усевшись голышом на диван, он прижал мобильник к влажным волосам.

– Итальянская береговая охрана вчера вечером конфисковала их катер, – сообщила Нора.

– Твою же мать! – вырвалось по-французски у Адама.

Обычно, когда ему случалось выругаться, он выбирал этот язык, чтобы не оскорблять слуха Майи. И привычка сохранилась.

– Феруз предлагает мне другое судно, надувную лодку «Зодиак». Сегодня вечером. Этих людей он знает. Ты ему достаточно доверяешь, Адам?

– Ферузу? Я вполне доверяю тому, кто мне его порекомендовал, а теперь он в свою очередь собирается рекомендовать тебе других людей. То судно, которое мы изначально выбрали, не такое, как другие. Ты должна была плыть в трюме, защищенная от непогоды, под охраной до самого прибытия в Италию. Мне с трудом верится, что он вот так запросто, в одночасье, нашел два места на приемлемом судне.

– Он говорит, что эти парни с «Зодиака» плохо посчитали и у них слишком много афганцев.

– И это их почему-то тревожит?

– По-видимому, да. Они стараются перемешивать национальности. Если оказывается слишком много пассажиров из одной страны и в пути возникают какие-нибудь проблемы, они могут объединиться в группы, взбунтоваться и взять судно под свой контроль. Поэтому перевозчики хотят завернуть пару десятков афганцев и ищут суданцев или сирийцев, чтобы заманить их. Преимущество заключается в том, что после Италии они обеспечивают также доставку своих клиентов через Европу до Кале. Может, я могла бы подождать тебя в этих знаменитых «Джунглях», где женщины и дети находятся под охраной? Это было бы более надежно, чем оставаться в Италии, рискуя попасться и быть отправленной обратно в Сирию. Похоже, в «Джунглях» нет никакой полиции. Во всяком случае, так говорит Феруз.

Нора слышала, как Адам шумно дышит в трубку. Поставленный в тупик и раздосадованный. Она совершенно явственно представляла его себе.

– Нет, – наконец отрезал он. – Слишком много изменений, слишком много непредвиденного. Возвращайся в гостиницу и жди моего звонка. Я найду что-нибудь другое.

– Я знаю, что все будет хорошо. Не беспокойся за нас.

– Ты просишь от меня невозможного, Нора.

Когда он собирался спросить про Майю, раздался звонок в дверь, и сердце Адама на мгновение замерло.

– Сейчас я должен с тобой проститься. Умоляю тебя, ничего не предпринимай, немедленно возвращайся в гостиницу, не соглашайся ни на какие предложения, никому не доверяй. Свяжусь с тобой через час.

Когда раздался второй звонок, Адам обернул бедра полотенцем, а на третий отпер дверь военному в форме, ниже его по званию.

– Капитан Саркис?

Адам кивнул, высокомерно глядя на него, чтобы оставаться в своей роли.

– Вас ожидают в секторе двести пятнадцать.

Адам подумал про Тарека. Неужели он сломался? Никто не выдерживает пыток. Они даже невиновных заставляют сознаться. Несмотря на то что мозг у него буквально вскипел, Адам не подал виду, что встревожен.

– Две минуты. Только надену форму.

Адам закрыл дверь и предельно осторожно, стараясь не издать ни звука, снял скрывающую бойлер деревянную панель, чтобы достать свой секретный мобильный телефон. За дверью, в нескольких сантиметрах от него, терпеливо ждал солдат. Выверенными движениями, затаив дыхание, Адам вернул панель на место и пробрался в кухню. Там он открыл микроволновку, положил в нее вытащенную на ходу из телефона симку, резко повернул таймер и включил максимальную мощность. В считанные секунды сим-карта вспучилась, заискрила и все содержащиеся на ней сведения исчезли под воздействием восьмисот ватт. Он выбросил искоженную картонку в мусорное ведро и надел форму. Если день закончится плохо, никому не удастся восстановить телефонную связь, которая позволяла ему сохранять контакт со своей ячейкой Свободной сирийской армии.

Он прихватил обычный мобильник, взглянул в зеркало, чтобы проверить внешний вид, и открыл дверь:

– Я готов.

5

Сектор 215 – Military Intelligence(Служба военной разведки) Кабинет командующего

Он был не приглашен, он был конвоирован. Почувствуйте разницу. Вдобавок, согласно расписанию, допрос Тарека не должен был начаться раньше 17 часов, а когда они миновали первый заградительный контроль правительственного здания на улице Шестого Мая в Дамаске, было только 10 часов утра.

Вокруг отели, дорогие магазины и оживленные торговые центры, словно всего остального не существует или же речь идет просто о городских легендах. Пыточная база? В самом сердце города? Чтобы в это поверить, надо быть сумасшедшим.

Обязательное военное приветствие. Проверка документов. При помощи телескопического зеркала один солдат проверил днище автомобиля на отсутствие взрывного устройства, а другой в это время обследовал салон, после чего служебному транспортному средству было разрешено следовать дальше. Адам сохранил хладнокровие, даже когда их машина не свернула к допросной, а поехала к кабинетам офицеров и высшего руководства.

Конвой, плохое расписание и плохое место назначения. Подобное нагромождение несоответствий предвещало тревожное развитие событий. На мгновение Адам представил, как он выхватывает оружие, стреляет в голову водителя, берется за руль и, в надежде избежать пулеметных очередей, мчится к выходу. Обдумывая этот план, он осознал, что оружие по-прежнему при нем. Значит ли это, что ему достаточно доверяют, если не отобрали до сих пор? Разве при малейшем подозрении он не был бы нейтрализован прямо на входе? Адам попытался выровнять дыхание и сосредоточиться на этом упражнении.

Прибыв на место, солдат предложил Адаму следовать за ним, и, пройдя коридоры и кабинеты, они оказались в приемной генерала, командующего сектором 215 – одной из самых эффективных пыточных баз в стране. Того самого, который, ввиду полученных капитаном скудных результатов, двадцатью четырьмя часами ранее потребовал, чтобы подчиненный покинул допросную.

Сидя на неудобном металлическом стуле под официальным портретом президента Сирии, Адам целую вечность считал секунды, пока не открылась дверь кабинета.

– Капитан Саркис!

Адам стремительно вскочил и, прежде чем обратиться к своему начальству, встал по стойке смирно.

– Мое почтение, генерал Хадур.

Пока высокий чин в ответ на приветствие протягивал ему руку, Адам заметил доброжелательное и оживленное выражение его лица, покрытые здоровым румянцем щеки и округлившийся от обеспеченного существования животик.

– Устраивайтесь у меня в кабинете, капитан, нам о многом надо поговорить, верно?

Опущенные шторы, тлеющая сигарета в каменной пепельнице, а на стене в глубине комнаты – черно-белая фотография Дамаска 1960-х годов. Более подробно разглядеть помещение Адам не успел.

– Согласно полученному мной рапорту вы желали бы присутствовать на допросе заключенного? – спросил Хадур.

– Так точно, мой генерал. Тарека Джебара.

Офицер недовольно поморщился, как если бы комната внезапно наполнилась навозной жижей.

– Слишком много чести произносить его имя. Заключенный четыреста шестьдесят пять – так лучше, не правда ли?

Все фразы намеренно оканчивались вопросом, и это напомнило Адаму об обязанностях сидевшего перед ним симпатичного и приветливого человека – на протяжении долгих лет задавать вопросы заключенным, снова и снова вырывая у них ответы страхом, угрозами и жестокостью. И сегодня с этим столкнулся он сам, Адам.

– Так точно, четыреста шестьдесят пять, мой генерал. Вечером, если мои сведения верны.

– Верны. Даже тверды, – развеселился тот. – А вот ваш заключенный – нет. По внутренним причинам мы ускорили его допрос. Он не выжил. Досадно, не так ли?

Перед Адамом возникли два варианта развития его судьбы. Или Тарек заговорил, или он держался хорошо. Или Адам останется в живых, или он проведет ближайшие дни, отвечая на вопросы генерала Хадур. Пульс участился, живот свела судорога. Из опасения обнаружить, что у него дрожат руки, Адам предпочел не убирать их с подлокотников кресла и остался в прежней позе. Больше ему ничего не пришло в голову.

– Мы хотя бы добыли необходимую нам информацию? – спросил он.

– К сожалению, не совсем. Я поражен его отвагой и стойкостью. Он даже получил право на поблажку. Которую я держу про запас для почетных заключенных. Четыреста шестьдесят пятый из тех, кого я хотел бы иметь на нашей стороне. Несмотря на все наши усилия, он раскрыл нам только один факт.

На этом генерал замолчал и впервые не задал вопроса. Как если бы он знал.

Он знал. Адам был в этом уверен.

– Поскольку номер четыреста шестьдесят пять умер, ваш распорядок стал более свободным, и мне хотелось бы этим воспользоваться. Вы не против?

Прежде чем Адам успел ответить, генерал отмел все иерархические сложности.

– Не беспокойтесь, я предупредил ваше начальство. Вы... Как он сказал? – Генерал сделал вид, что вспоминает, а затем воскликнул: – В моем распоряжении! Именно! Он сказал: «Капитан Саркис в вашем полном распоряжении».

После чего в кабинете повисло тягостное молчание. Генерал придвинул к себе лежавшую перед ним папку, перелистал ее от начала до конца и остановился на документе с прикрепленной в верхнем углу фотографией Адама.

– Отец дипломат, атташе по франко-сирийским связям, – прочел генерал, будто изучал его резюме. – Шестнадцать лет службы в полиции, из которых десять в офицерском звании. Потом в две тысячи двенадцатом вы подаете рапорт с просьбой перевести вас в военную полицию, которой вот уже четыре года оказываете честь своим присутствием. Многочисленные поощрения, медаль за отвагу и ранение при исполнении. Должно быть, вы гордитесь своим жизненным путем?

Адам непроизвольно провел ладонью по лицу – там, где прямо по левой скуле проходил глубокий шрам в форме запятой. Взрыв гранаты, как записано в деле. Что было недалеко от истины. Начиненный взрывчаткой автомобиль. Адам как раз заказывал кофе навынос. Взрывная волна, разбитая вдребезги витрина, разлетевшиеся, как крошечные гарпуны, осколки стекла. Шестеро погибших. Для завтрашней прессы требовался герой. И Адам был произведен в капитаны. Он не гордился ни своей медалью, ни своим званием, ни своим ранением.

– Знаете, что тревожит меня гораздо больше, чем военное досье, напичканное увольнениями, выговорами или предупреждениями? – продолжал генерал. – Досье, в котором они отсутствуют. Я не доверяю прилежным ученикам, отличникам, любимчикам. В них частенько скрывается манипулятор. К тому же вы христианин.

– Во всяком случае, у вас есть уверенность, что я не солдат ИГИЛ.

Генерал Хадур удивленно поднял бровь, а затем расхохотался. Он перевел взгляд на Адама и уже не спускал с него глаз, будто оценивал.

– Что вам известно об операции «Павел», капитан Саркис?

Адам и сам удивился своему самообладанию, когда при упоминании операции, организатором которой он был, голос не подвел его.

– Майор Павел Оленко – это военный советник, предоставленный нашими русскими союзниками. Две недели назад одно из активных звеньев Свободной сирийской армии сделало попытку похитить его, но единственный человек, которого нам удалось идентифицировать и задержать, – это Тарек... Простите. Заключенный номер четыреста шестьдесят пять. Ваш сектор делал все, чтобы заставить его заговорить. До сегодняшнего утра.

Адам старательно обошел ту часть, которую генералу не следовало знать. А именно что Павел Оленко, бывший командир, руководивший русскими военными операциями в Чечне, и военный эксперт по химическому оружию, делится своими знаниями с сирийским правительством. Его похищение и получение от него заснятых на видео признаний нанесли бы сенсационный удар, доказывающий международной общественности, что Башар Асад использует против повстанцев и гражданского населения «грязное» оружие. Тогда сложно было бы оправдать любую поддержку его режима. Изолированный, словно прокаженный, тиран увидел бы, как закачался его режим. Такова была основная идея, утопическая цель операции «Павел».

– Вы с самого начала были привлечены к расследованию, – продолжал Хадур. – По собственной просьбе, если верить моим источникам. А вот чего я не могу понять, так это ваше стремление присутствовать на допросах. Очень редко офицер из Управления судебной полиции испытывает желание дойти до подвалов сектора двести пятнадцать.

Адам с самого начала жонглировал циркулярными пилами. Прежде чем ответить, он взвесил каждое слово.

– Ваши люди известны своими грубыми методами. Моя цель – не пытаться, а получать информацию. Иногда у меня складывается впечатление, что «информативная» фаза отодвинута на второй план. Что ни в коем случае не умаляет моего уважения ни к вам, ни к вашим солдатам, генерал.

– То есть это единственная причина?

За спиной начальника, на висящей на стене черно-белой фотографии, обессмертившей толпу гуляющих в тот день, Адам заприметил держащуюся за руки парочку. Этому снимку было далеко до «Поцелуя» Дуано¹⁴, который так ценил отец Адама, но зато напомнил Адаму о Норе. Если она послушалась, то сейчас находится в безопасности в гостинице в Триполи.

– Капитан Саркис!

Адам задумался на лишнюю секунду дольше.

– Да. Других я не вижу.

Генерал молча поднялся, Адам последовал его примеру. Когда они вышли из кабинета, их ожидали двое вооруженных охранников. Адам прикоснулся к внутреннему карману куртки и нащупал мобильник. Не потребуется много времени, чтобы генерал отбросил свое добродушие и снова сделался тем, кем был на самом деле. В эти самые минуты квартира Адама наверняка уже перевернута вверх дном, солдаты произвели обыск, а его фамилия разослана по всем поисковым картотекам, что подвергнет опасности Нору и Майю. Они больше не могут позволить себе дожидаться его. Один звонок. Адаму требовалось сделать всего один звонок, чтобы жена и дочь, чего бы это ни стоило, как можно скорее покинули север Африки.

Внизу, у командного пункта, их ждал тот же автомобиль с включенным двигателем. Открыв дверцу обоим офицерам, солдаты устроились на переднем сиденье. Усевшиеся позади них Адам и генерал все еще молчали, не продолжая начатый разговор.

– Военный аэродром, – скомандовал Хадур.

¹⁴ Робер Дуано (1912–1994) – французский фотограф. Мировую известность автору принес кадр «Поцелуй у Отель-де-Виль», где сфотографирована пара, целующаяся на фоне Парижской ратуши.

Один внедорожник возглавил кортеж, другой его замыкал. Без меньшей охраны генерал никогда не перемещался. Так, с конвоем и завывающими сиренами, они проделали двадцать два километра, отделявшие их от места назначения.

На бетонированной площадке с бесконечными взлетными полосами, простеганной сорняками, водитель затормозил возле закрытого ангара длиной метров тридцать и шириной примерно десять. Деформированный жарой и готовыми воспламениться бензиновыми испарениями горизонт вызывал предчувствие преисподней.

Генерал вышел из автомобиля, а когда Адам хотел последовать за ним, оказалось, что дверь заперта. Двое солдат не отставали от своего командира, и Адам остался один, взаперти. Он оценил шансы дожить до конца этого дня равными нулю и сосредоточился на Норе и Майе. Как можно более незаметно он скользнул рукой под куртку, достал телефон и набрал эсэмэску.

«Слушайся Феруза. Уходи. Как можно скорее. Поезжай в Кале. Свяжись со своим кузеном. Он будет знать, что делать. Я люблю тебя».

Затем несколькими нажатиями он для безопасности стер весь репертуар своего мобильного и эсэмэски. Когда он убирал телефон в карман, дверь открылась, пекло снаружи ворвалось в салон и солдат предложил ему следовать за ним.

Военный остановился перед примыкающим к ангару металлическим отсеком с четырьмя рядами пронумерованных ящиков. Пока солдат отпирал ближайший к нему ящик, Адам тщетно искал глазами генерала.

– Оружие и мобильный телефон, капитан.

Адам повиновался, и двери ангара медленно, как им и подобало, с металлическим скрежетом распахнулись. Адам взглянул на часы. 11:35. Именно в это время родилась Майя. Он поблагодарил небо, подарившее ему жизнь, каким бы ни был ее конец.

6

Портовый город Гарабули, Ливия

14:00

Нора просто сказала Майе, что папа чуть позже присоединится к ним, и девочка, глядя в побледневшее лицо матери, сделала вид, будто поверила.

Феруз ждал их возле кафе, которое они покинули только сегодня утром. Истекая потом, он залпом запил обжигающий чай стаканом холодной воды, едва не захлебнулся и отдышался, дважды некрасиво рыгнув. У его ног стоял набитый до краев распухший пластиковый пакет. Нора присоединила к своему смартфону пару наушников, вставила их в Майины ушки и включила «A vava inouva» – песенку, которая ублаживала ее дочку в детстве.

– У вас ужасное лицо, – встревожился Феруз.

Нора не отреагировала.

– Я получил подтверждение, – продолжал он. – Отплытие вечером, с заходом солнца. Военный «Зодиак» из излишков ливийской армии вместимостью двести человек.

– Так много? – забеспокоилась Нора.

– Это минимум. Они максимально нагрузят его. Как для всех рейсов. Рассчитывайте скорее на триста пассажиров. Места стоят дороже золота – места стоят крови.

При этих словах Нора поспешила убедиться, что дочка не обращает на них внимания.

– Кстати. Во сколько нам обойдутся два места менее чем за сутки? – недоверчиво спросила она.

Тяжело взмахнув рукой, Феруз заказал еще стакан воды.

– Как я вам уже сказал, вы заменяете афганскую семью, так что это будет стоить не дороже, чем было оговорено. Две тысячи за вас и тысячу за малышку. Прибавьте проезд по дорогам Европы до Кале. Следует учитывать дополнительные две тысячи на человека. Всего семь тысяч долларов. Все оплачивается заранее, хотя мне такая идея не по душе.

У Норы при себе было чуть меньше девяти тысяч долларов. Адам полностью опустошил свои счета, продал все, что можно, разумеется, за четверть цены, потому что нет ничего хуже, чем делать что-то в спешке и вынужденно. Казалось, Нора колеблется.

– Вы уверены в этих «Джунглях»? Они еще существуют хотя бы? И там действительно охраняют женщин и детей?

– Если Франция больше не принимает военных беженцев, тогда, думаю, надеяться не на что. Но вы ведь и сами тоже видели этот лагерь в Интернете, тогда почему вы сомневаетесь? Успокойтесь. А у меня для вас кое-что есть...

Он ногой придвинул к себе стоявший под столом пластиковый пакет. И достал оттуда два спасательных жилета, две плоских фляги, с десятков энергетических шоколадных батончиков, пластиковую сумочку для паспортов и денег, чтобы надеть на талию, и еще одну непромокаемую сумочку на шею – для мобильного телефона.

– У нас и так уже полные чемоданы, – возразила Нора.

– В любом случае у вас один лишний, а другой придется наполовину освободить.

– Это невозможно! В них все, что осталось от нашей прежней жизни.

От удивления Феруз перешел на «ты» и даже этого не заметил.

– Не будь душой. Вот она, твоя жизнь, рядом с тобой, слушает музыку. Чем легче ты будешь, тем лучше, поверь мне. А теперь иди в туалет и произведи отбор. Я возьму себе то, что ты оставишь, это возместит мне расходы на жилеты и шоколадки. Поторапливайся, я присмотрю за малышкой.

Перед зеркалом в туалете Нора залилась слезами. Все-таки стакан наполовину полон: Адам написал ей эсэмэску. Значит, он жив и может свободно действовать. Стакан наполовину пуст: он просил не ждать его и отправляться в Англию к ее двоюродному брату, как будто сам уже не может к ним присоединиться. Она прекратила сравнивать стаканы и стала думать только о Майе.

Избавившись от воспоминаний и одежды, она вернулась и снова уселась за столик, где ее ждал Феруз.

– Твоя малышка что, больна? Она кашляет и уж очень бледненькая.

– Пройдет.

– Знаешь, это не слишком разумная идея – пуститься в такое плавание, если ты болен.

– Она выдержит.

– Убеждать следует не меня. Ты только представь, а что, если она заразит других и все раскашляются. Не так-то просто пересекать Европу с группой беженцев, которые и без того на грани взрыва. Это повод отказаться взять вас на борт.

– Говорю же, она выдержит. И мы будем тише воды ниже травы.

– Тебе решать. Если ты готова отправиться в путь вечером, мне остается только познакомить тебя с перевозчиками.

Нора решила опередить события:

– А сколько я вам за это должна?

Феруз промокнул лоб, убрал платок, который, наверное, не успевал высохнуть, и с улыбкой погладил Майю по волосам.

– Вам предстоит долгий путь до Англии. И если ты едешь одна с дочкой, это еще опаснее. Попридержи деньги. И береги себя.

Норе, которая так сомневалась в нем, теперь с трудом удалось удержаться, чтобы не обнять его. Малышка Майя оказалась более эмоциональной и на выходе из кафе запечатлела на влажной щеке Феруза поцелуй.

7

Дамаск, Сирия

Военный аэродром

Металлические боковые ворота высотой около десяти метров теперь были широко раскрыты. В такой ситуации Адам, разумеется, подумал о смерти. Он не предполагал встретить ее лично, собственной персоной присутствующей в ангаре, подобно этому чумному запаху крови, плоти, разложения и выпачканной экскрементами одежды. Перед ним на огромном пластиковом полотнище простирались ровные ряды тел – почти три сотни трупов с серой кожей, изуродованными лицами и в противоестественных позах.

Светило солнце, и верхняя застекленная часть ангара пропускала его лучи к земле, которая аккумулировала тепло. Поэтому внутри было на десять градусов больше, чем снаружи. От этого вонь становилась еще более нестерпимой.

– Обычно их сдают на хранение в морг, в военный госпиталь Меззе, – прокладывая тропу между телами, пояснил шедший впереди солдат. – Но он переполнен.

– Это сирийские военные? – спросил Адам.

– Нет, капитан. Гражданские. Исключительно гражданские. Предатели.

Мимо прошел фотограф, опустился на колени перед одним трупом и сделал серию снимков. Солдат кивнул в его сторону:

– Он и есть ваше задание. Фотограф. Надо следить за ним и забирать каждую отснятую пленку. Генерал Хадур вернется к вечеру. Он сказал, что вы его новое доверенное лицо.

Адам не стал спрашивать, что приключилось с его предшественником.

– А мои личные вещи? – поинтересовался он.

– Приказ генерала. Оружие вам не потребуется. А мобильные телефоны запрещены. Отсюда можно вынести только пленки. Пойдемте, я вас познакомлю.

При их приближении фотограф поднялся с колен и обратился к капитану Саркису с уставным приветствием. Воспользовавшись этим ритуалом, солдат их покинул.

– Мое почтение, капитан.

Воздух был непригоден для дыхания, и овладевшая Адамом тошнота не осталась незамеченной.

– Мне бы очень хотелось сказать вам, капитан, что вы привыкнете. Но это не так, здешний запах будет преследовать вас даже дома.

Адам не раздумывая протянул ему руку. Его поступок удивил фотографа, который помедлил, прежде чем протянуть свою.

– Адам. Будешь обращаться ко мне «капитан» только при начальстве.

– Как прикажете. А я Самир.

Двухместный самолет и вертолет были подвешены на металлическую переборку, чтобы освободить пространство для человеческой плоти, занимавшей каждый сантиметр ангара.

– Самир, я никак не уразумею, что это.

– Это утешает.

Прежде чем начать объяснения, фотограф шагнул к следующему трупу.

– Каждое утро сюда доставляют тела гражданских заключенных. Сначала их было с десятков в день, но в последние недели наблюдается заметное увеличение. Сегодня мы получили тела из госпиталя в Меззе, где полагается хранить трупы, но там больше нет места, поэтому здесь их теперь сотни. Нам понадобятся весь день и добрая часть ночи.

Затем Самир переместился к следующему трупу.

– Взгляните вот сюда, возле ключицы. Здесь написан номер отделения, где их содержали, за ним идет номер задержанного, а я добавляю номер кадра. Делаю один снимок и перехожу к следующему. Когда пленка заканчивается, передаю ее ответственному офицеру.

Адам взглянул на ряд тел и увидел одни и те же цифры – 215. Все эти трупы поступили из отделения генерала Хадура.

– Кстати, насчет твоего офицера. Не знаешь, почему я его заменяю?

– Думаю, он плохо переносил эту процедуру. Хадур выгнал его. Не удивлюсь, если через пару дней буду фотографировать его тело.

– А ты сам? Как ты это выдержишь?

Похоже, вопрос старшего по званию поставил фотографа в тупик.

– Ведь это же предатели. Так что все справедливо.

Адам не ответил. Фотограф повторил, как будто ему было необходимо утвердиться в своих словах, чтобы не сойти с ума:

– Это справедливо, слышь ты?

– Да, Самир, справедливо, – сквозь зубы ответил Адам.

Он видел перед собой совершенное доказательство тайного глобального и тщательно организованного уничтожения противников правительства.

– Следующий труп – мой шеститысячный, – прошептал Самир.

Он опустился на колени и вытащил несмываемый фломастер, чтобы записать номер на ключице. Но от подбородка до груди кожа оказалась сильно изуродованной, и написать на ней что-то было невозможно. Тогда Самир выбрал лоб, на котором вывел: 9/24. Пленка 9, кадр 24. Адам внимательно осмотрел труп. Выбитые зубы. Вырванные ногти. Сломанный нос.

– Рядом с вертолетом есть стол с книгой записей. Надо указать время и зафиксировать смену пленки и ее серийный номер. Эту я доснял, держите.

Адам принял в свою ладонь двадцать четыре смерти, столь же медленные, сколь и жестокие. Чтобы не перешагивать через тела, он прошел вдоль стены ангара, сделал соответствующую запись и взял новую пленку, зарегистрировав ее исходные данные. В списке рядом с номерами заключенных он прочел причину смерти.

Несчастный случай.

Самоубийство.

Остановка сердца.

Скудный набор. Нигде не встретилось слово «пытка». Он отвел глаза от списка, развернулся и окинул взглядом ряды трупов. Вот один у самых его ног. Череп раскроен во многих местах, а вместо глаз только обведенные засохшей кровью черные дыры. От омерзения Адам вздрогнул. Вырывание глаз никак не обеспечивало получение нужной информации. Это уже не имело отношения к пыткам. За всем этим крылось единственное желание убивать, заставляя страдать. Опасное помешательство, сопряженное с определенным наслаждением.

Адам подошел поближе, и то, что он увидел, едва не заставило его завывать от ужаса. На ключице был записан номер отделения – 215, а также номер заключенного – 465. Тут ему вспомнились слова генерала Хадура: «Я поражен его отвагой и стойкостью. Он даже получил право на поблажку. Которую я держу про запас для почетных заключенных. Четыреста шестьдесят пятый из тех, кого я хотел бы иметь на нашей стороне».

Тарек.

Из глубины ангара Адама окликнул Самир:

– Капитан, а пленка?

Адам с напускным спокойствием, стараясь восстановить дыхание, умиряя каждое свое движение и ощущая, что рассудок изменяет ему, двинулся к фотографу. Он подумал о Норе и Майе. Тарек не заговорил, и, вопреки ожиданиям, Адам все еще жив. Значит, они непременно должны встретиться.

– Как отсюда позвонить?

– Здесь нет стационарной линии. Мы не звоним. Нас обыскивают на входе и на выходе, а внутри наблюдают за всеми нашими телодвижениями. Параноидальная обстановка.

Когда Самир произносил последние слова, Адам проследил за его взглядом. Прямо над ними вдоль всего ангара тянулся ряд камер, расположенных на расстоянии пяти метров одна от другой и, похоже, покрывающих все пространство помещения.

– Это вроде работы архивиста. Мы классифицируем и регистрируем, чтобы сохранить административный след, – что-то вроде учета. Для истории. Но никакая информация не должна просочиться наружу. В этом и заключается причина вашего присутствия.

– И сколько времени вы уже этим занимаетесь?

– Чуть больше двух лет. Ежедневно.

Валить отсюда как можно скорее! Адаму необходимо вырваться отсюда!

Ему не удастся спасти свою страну. Теперь значение имеют только жена и дочь. Он немедленно покинет Сирию любым доступным способом. И пусть те, кто станет говорить, что он мог бы сражаться, чтобы помочь своему народу, идут на хрен. Или на его место, в этот перегретый ангар. Переписывать трупы с обгорелыми ступнями и вырванными зубами.

8

Портовый город Гарабули, Ливия

18:00

Феруз занялся оплатой и воспользовался этим, чтобы узнать об условиях рейса. «Зодиак» военного образца более пятнадцати метров в длину производил хорошее впечатление и выглядел почти новым. Чтобы успокоить его, два ливийских перевозчика сообщили об удаляющейся зоне пониженного давления и шлейфе шторма, который скоро выдохнется. Коридор узкий, но им не привыкать. Затем на мобильном телефоне они показали ему то место на морской карте, где зона пониженного давления встречается с антициклоном. Феруз вообще ничего в этом не смыслил и между Ливией и Италией увидел на экране лишь размытые цветные пятна.

Они говорили на одном языке, однако рефрен «no danger»¹⁵ непроизвольно возникал в конце каждой фразы перевозчика, как понятный всем, а оттого внушающий доверие лингвистический термин.

– Вас, вероятно, слегка укачает, – вкратце передал Феруз Норе содержание разговора. – Приходится ожидать сильного волнения, но волны будут затухающими. Если все сложится удачно, шторм закончится к тому моменту, когда вы выйдете в открытое море.

Нора слушала и одновременно надевала на Майю спасательный жилет. Механическими размеренными движениями, внутренне содрогаясь.

– Главное – как следует накинь покрывало. Спрячь лицо. Никто не должен тебя видеть. Ни в коем случае не снимай спасательный жилет, садись на дно лодки, а Майю устрой у себя между ногами.

Девочка выскользнула из рук матери, чтобы броситься в объятия Феруза, который был тронут подобным вниманием. Хотя и не стремился к этому.

– А ты что, не поедешь? – спросила Майя.

* * *

Чтобы выйти в море, несколько наиболее крепких пассажиров с наступлением темноты, распределившись по обе стороны воздушных подушек «зодиака», на несколько метров протащили лодку по песку до воды. На вершине загораживающей их дюны появился армейский пикап. Он затормозил, подняв облако песка, и развернул мощный прожектор, в свете которого пассажиры лодки стали видны, как среди бела дня. В лодке все затаили дыхание, отказываясь поверить в то, что путешествие закончится, не начавшись. Один из пассажиров поднял руку, привлекая внимание военных, которым как раз тем утром уже было щедро заплачено. Тогда свет погас и вновь погрузил ослепленных беглецов в полное небытие. Следующие несколько секунд прошли в кромешной темноте, и по мере того как удалялся звук двигателя пикапа, угроза постепенно таяла.

Оставалось еще много пассажиров, которых следовало втиснуть в уже и так спрессованную массу беженцев, когда в борт со всей силы ударила волна и обрушила на них сотни литров соленой воды. Берег еще не скрылся из виду, а несчастных уже до костей пронизывал холод. Им предстояло преодолеть почти пятьсот километров до порта Поццалло. Это могло занять целую ночь. Или три.

Нору сильно придавили на дне лодки, и она работала локтями, чтобы Майя ничего не почувствовала. Потом и вовсе началась неразбериха. Какая-то женщина и ее дочь уселись буквально ей на ноги, однако Нора не решилась сделать им замечание. Они были их отражением: ее

¹⁵ «Никакой опасности» (англ.).

и Майи. Другая история, другая страна, другая война. И в довершение двое чернокожих ребятишек стиснули Нору слева, а третий попытался подлезть под нее. Не добившись желаемого и увидев испуганную, готовую расплакаться Майю, мальчуган взял на себя роль старшего брата и прикрыл их своим телом, скрючившись в три погибели и опустив голову в согнутые колени. Кто-то закричал, что места и так мало, что они свалятся в воду, и перевозчики потребовали снять спасательные жилеты и зажать их между ног. Все неохотно повиновались, и установилась тишина. Начало путешествия сопровождали только несколько молитв, произнесенных шепотом на разных диалектах и разных языках, но с одной надеждой. Майя сдерживалась изо всех сил, но ею овладел приступ лающего кашля. В поисках источника звука один из перевозчиков обшарил лучом своего фонарика лица пассажиров, а Нора тем временем, прижав ладонь ко рту дочери, почти не давала ей дышать.

* * *

Переход Ливия – Италия

23:00

Четвертый час пути

Не надо было иметь ни малейшего представления о навигации, чтобы понять, в чем проблема. Волны сопротивлялись им с самого начала, так что суденышко еле-еле продвигалось вперед, с трудом преодолевая метр за метром. Если они находились в шлейфе шторма, то, наверное, это был исключительно сильный шторм.

Казалось, холод угнездился прямо в теле, в костях и плоти, и при малейшем порыве ветра водяные брызги превращались в лед на коже пассажиров.

Один перевозчик находился у штурвала, другой сидел в нескольких метрах от Норы с дочерью. Он постоянно слышал кашель больного пассажира, но никак не мог определить, кто это. Поэтому он был начеку, поджидал, когда тот снова выдаст себя. Майя едва не задохнулась, и оттого, что она пыталась сдержаться, звук ее кашля, резкий и болезненный, был как треск лопнувшего стакана. Взгляд перевозчика встретился с глазами ребенка.

* * *

Двинув рукоятку переключения скорости, он увеличил количество оборотов и воспользовался ревом старого двигателя, чтобы заглушить свои слова и не спровоцировать несчастный случай или панику.

– Брось ее за борт, – велел он напарнику.

– Прямо сейчас?

– От нее будет проще избавиться в открытом море, чем на парковке в зоне отдыха. Она кашляет с самого отбытия. Или ты хочешь, чтобы нас засекли, когда мы в Италии напихаем их в грузовики?

На небольшом суденышке двести семьдесят три мигранта. Разного возраста, пола, происхождения, цвета кожи. Страдающих от качки, промокших, замерзших, перепуганных.

– Я, наверное, не смогу. Давай ты.

Вздых раздражения. И только. Второй оставил штурвал и, бесцеремонно расталкивая пассажиров, решительно двинулся к прячущейся в гуще толпы женщине. При его приближении та еще крепче прижала к себе детское тельце, которое оберегала от всех, плотно приложила ладонь к холодному рту малышки и попросила ее перестать кашлять. От страха девчушка выронила кролика из потертого фиолетового плюша, которого мужчина, даже не заметив, раздавил ногой. И обратился к матери:

– Твоя девчонка... Ты должна бросить ее за борт.

Нора даже не отреагировала. Похоже, вставший на их защиту черный мальчишка понимал язык перевозчика, потому что он поднялся, готовый охранять их. Однако мощным ударом ногой в лицо перевозчик избавился от него, буквально уложив парня на месте. Другая мать вместе со своей дочерью, те самые, что устроились как могли, отдавив Норе ноги, поспешно отодвинулись, чтобы быть как можно дальше от опасности. Мужчина подошел ближе и протянул руку к Майе.

Прижав руку к отхлестанной физиономии, перевозчик ушел к корме лодки. Между пальцами сочилась кровь.

– Это она тебя так отделала?

– Когда она уснет, я снова возьмусь за дело.

– Женщина... – насмешливо протянул другой.

– Заткнись.

* * *

02:00

Седьмой час пути

Семь часов содроганий от страха и холода.

Каждые пять минут тело Норы оседало, ее рассудок медленно затуманивался, веки тяжелели – и тут же подсознание резко, будто электрический разряд, будило ее. Тогда она озиравлась вокруг, не различая в кромешной тьме ничего. Она слышала только прерывистое дыхание, шорох одежды в ритме дрожания человеческих тел и толчков этих невидимо рыщущих вокруг и то вцепляющихся клыками в корпус лодки, то плюющихся пеной чудищ – морских волн, становящихся все более яростными.

Прошло пять минут, и Нора снова позволила умиротворяющему водовороту сна поглотить ее. Но на этот раз из оцепенения ее вывел кашель Майи. И тотчас на них нацелился фонарь. Движение человеческого тела, ворчание. Ослепленная ярким светом, Нора могла только с тревогой слушать приближающийся звук. Кто-то накинулся на нее, схватил ребенка – сначала за руку (завывание ужаса), потом за ногу (сердце замерло) – и со всей силы швырнул в воду, будто отделался от балласта.

Между ногами Норы снова сильно раскашлялась Майя, и перевозчик понял, что бросил за борт не ту. Другая мать поднялась, кинулась к борту, легла на воздушные подушки лодки, погрузила руки в воду и стала на ощупь шарить вокруг, выкрикивая имя своего ребенка, которого уже поглотило бурное море. Женщина не прыгнула за борт. Наверное, не умела плавать. И не обернулась к перевозчику. Наверное, не хватило смелости. Зато набросилась на Нору, из-за чьей больной дочки потеряла свою. Она грубо схватила ее за волосы и в оскорблениях излила все свое горе. Двое мужчин разняли женщин, которые в любой момент могли спровоцировать волнение толпы и перевернуть лодку. И во второй раз перевозчик уже не ошибся. Он оторвал Майю от пола, и ее ручки тщетно хватали пустоту. Какой-то момент она парила в воздухе, пребывая в мгновенном состоянии невесомости, а потом сильно ударилась о поверхность воды.

Видя, как дочь летит за борт, Нора не смогла вымолвить ни звука. Она рванулась к борту лодки, протянула перед собой руки, стала шарить по воде, пытаясь нащупать тело, одежду, прядь волос – что-нибудь, что можно было бы ухватить. Напрасно. Она узнала голос той, другой женщины, по-прежнему истеричный. Нора почувствовала, как чьи-то руки толкнули ее в спину. Она потеряла равновесие и тоже упала. Огромная волна подняла судно и вновь опустила

его в десяти метрах от нее. Оттуда, из ледяной воды, она разглядела луч фонаря: он становился все тоньше и удалялся, пока не исчез совсем.

На борту все успокоилось: проблема была решена и порядок окончательно восстановлен.

Нора сотню раз прокричала имя Майи, прежде чем оставить свои попытки. За семь часов пути, сдавленная соседями, она не двинулась ни на сантиметр. Ноги и руки занемели и зачленели, так что она с трудом держалась на воде, и когда ей судорогой свело икру, стала медленно тонуть. Она задержала дыхание, насколько хватило легких, потом сдалась, вдохнула и наполнила их соленой водой.

* * *

Сперва дна Средиземного моря мягко коснулась ее ладонь, потом предплечье, потом все тело – и, наконец, голова, которая легла на песчаную подушку в окружении ее волос, будто в венке из черных цветов.

9

Дамаск, Сирия
Военный аэродром
02:00

Вспышка в триста шестнадцатый раз осветила ангар. Адам теперь несколько лучше понимал, как Самиру удастся так долго выносить это, потому что к концу первого дня трупы стали для него уже просто абстрактными объектами, редкостно порочной работой художника с монохромной красной палитрой. Возможно, это был единственный способ не терять над собой контроль.

Конец пленки. Четырнадцатой. Адам уже не ощущал запаха крови, он смаковал ее прилипший к нёбу, проникший в ноздри, на язык металлический привкус. У него за спиной широко распахнулись боковые ворота, чтобы впустить внедорожник с тонированными стеклами, из которого вышел генерал Хадур, когда ему открыли дверцу.

Самир и Адам выпрямились и встали по стойке смирно, как всякий хороший солдат перед старшим по званию. Из-за эха в ангаре голос генерала, от природы низкий и значительный, приобрел несколько театральные оттенки.

– Капитан Саркис! Я знал, что могу рассчитывать на вас! – И, двинувшись в сторону Адама, продолжил свой выход на сцену: – Человек, который не боится присутствовать при пытках заключенного, способен на все. А в этой войне как раз и требуется быть способным на все, не так ли?

– Мое почтение, генерал, – только и ответил Адам.

– Завтра с шести утра следует снова приняться за дело. Морг тюрьмы Седнайя¹⁶ тоже просит нашей помощи.

– Такое расписание оставляет нашему фотографу всего четыре часа на сон, – заметил Адам, как будто всерьез увлекся новым заданием.

Генерал, не слишком привыкший к метким возражениям своих людей, нахмурился. Адам решил оправдаться:

– Величайшие военачальники умели заботиться о своих войсках, чтобы выигрывать войны. Что Наполеон, что Цезарь.

– Цезарь... – польщенный сравнением, пробормотал Хадур себе под нос. – Тогда явка в девять утра, такова воля Цезаря, – сделал он уступку фотографу.

И, резко хлопнув дверцей, снова уселся в свой кроссовер.

Выйдя из ангара, Адам направился к металлическому отсеку с ящиками, куда по прибытии были убраны его личные вещи. Солдат протянул ему оружие и снова занял свой пост.

– А мобильник? – удивился Адам.

– Его завтра отправляют в техническую службу. Возврат в течение сорока восьми часов. Приказ генерала.

Адам испытал желание, воспользовавшись своим званием, дать ему хорошенько понять, кто есть кто. Его кулаки бесполезно сжались, потому что единственное, что он действительно мог, – это покориться обстоятельствам. Подошел Самир и сразу заметил, насколько Адам взвинчен.

¹⁶ Седнайя – город, расположенный в горах, в 30 км к северу от Дамаска, где находится тюрьма. В феврале 2017 г. «Международная амнистия» опубликовала отчет, в котором говорилось: «В период с сентября 2011 г. по декабрь 2015 г. в Седнайе внесудебно казнили от 5000 до 13 000 человек». 15 мая 2017 г. Госдепартамент США подтвердил обвинение в 50 секретных казнях в день, скрытых последующей кремацией на месте.

– Ничего личного, капитан, – заверил его фотограф. – Просто вы в стадии проверки. Подобную верификацию прошли все, кто здесь работает. Я же вам говорил, атмосфера здесь параноидальная.

Они двинулись по полотну аэродрома прочь от ангара, и, только пройдя несколько метров, Адам попросил Самира об услуге:

– Не дадите на минутку свой мобильник? Только позвонить жене. Я не рассчитывал закончить рабочий день среди ночи, так что она наверняка умирает от беспокойства.

Самир посмотрел на него, и Адам впервые прочел в его глазах смесь страха и замешательства.

– Мне очень жаль, капитан. Но я бы не хотел. Вы еще не утверждены. Надеюсь, вы меня понимаете?

Адам заставил себя улыбнуться. Прося об этой услуге, он сильно смахивал на тех типов, что в аэропорту или на таможне умоляют вас пронести их багаж. Недоверие фотографа было оправданным.

– Похоже, пользуясь пристальным вниманием генерала Хадур, лучше как следует соблюдать инструкции. Не волнуйтесь, моя жена может подождать, – беззаботно сказал Адам.

Домой его привез армейский шофер. По пути через уснувший город мужчины не обменялись ни единым словом. Прибыв к подножию холма Мухаджирин, Адам вышел и сделал вид, что направляется к дому. Но когда армейский автомобиль исчез за углом улицы, развернулся и взял такси. Взглянул на часы: 02:30. Через три километра он попросил остановить машину возле интернет-кафе и толкнул дверь. Сотрудник лет тридцати, в футболке и с висящими на шее стереофоническими наушниками взглянул на мужчину в военной форме. Махнув рукой, он пригласил его в дальнюю комнату, хотя в это позднее время только двое страдающих бессонницей пользователей еще шарили в Сети, не обращая на них никакого внимания. Проходя мимо музыкального оборудования, из которого доносилась спокойная и назойливая электронная музыка, парень усилил звук.

Адам не мог терять ни секунды, и то, как он начал разговор, свидетельствовало о стрессовом состоянии, в котором он пребывал.

– Тарек мертв, я ничего не смог сделать, хотя до последнего пытался вытащить его оттуда. Но он не раскололся, в этом я уверен, потому что вот он я, перед тобой. Нора и Майя сегодня ночью уехали, я должен присоединиться к ним. У меня больше нет мобильного, мне срочно нужен другой – с картой, разблокированной для международных звонков.

– Ты хочешь простую звонилку?

– Нет, смартфон с интернетом.

– Элиас в курсе, что ты покидаешь страну?

– Нет еще, но я надеюсь, что он сумеет помочь мне в этом.

Парень на мгновение исчез и вернулся с телефоном и каким-то предметом, обернутым жирной тряпкой.

– Оружие хочешь?

– Я уезжаю как гражданский, оно принесет мне больше неприятностей, чем пользы. Я еще должен зайти на квартиру. Чемодан собран, деньги на дорогу есть. Но мне надо, чтобы ты записал для меня телефон Феруза, я его уже не помню.

Адам вышел на свежий воздух. Теперь на часах было три часа ночи.

Первый звонок он сделал Норе, но попал на автоответчик. Он представил, сколько раз она пыталась дозвониться до него, пока он был заперт в том ангаре, в гигантской покойницкой. И после бесплодных попыток она в конце концов отключила мобильный телефон, чтобы максимально сохранить заряд аккумулятора. Тогда он позвонил Ферузу.

Стараясь не разбудить жену, мужчина выпростал свое крупное тело из постели и уселся в коридоре прямо на пол. Чтобы успокоить Адама, Феруз сообщил, что дождался отбытия лодки и что теперь Нора, должно быть, уже различает итальянский берег. Он рассказал ему и о Майе, которая так его очаровала. У Адама на глазах выступили слезы.

– Если они покинули Северную Африку, значит они в безопасности. Мне надо связаться с Элиасом, чтобы попасть в Ливию, а ты, Феруз, найди для меня лодку.

– Доверься мне, – искренне успокоил его Феруз.

После этого разговора Адам не удержался и снова попытался позвонить жене, чтобы оставить ей сообщение.

В трех тысячах километрах от него и на глубине пятисот метров тишину ее могилы нарушил телефонный звонок. Герметическая сумочка, в которой находился мобильник, содержала воздух, и теперь этот воздух стремился подняться на поверхность. Сумочка с тесемкой на шее Норы плясала в воде. Когда телефон зазвонил, прямо над ее лицом засиял голубоватым свечением экран, как если бы освещая сцену преступления.

– Нора, это я. Мне так жаль, что я напугал тебя, но, поверь мне, я действительно думал, что... Слушай, все в порядке, плевать, я буду с тобой через несколько дней, максимум через неделю. Мне пришлось сменить номер, запомни его наизусть. Жди меня, как мы договорились, возле Кале, в самом надежном месте барачного лагеря «Джунгли», в поселении для женщин и детей. Я тебя найду, обещаю, что я найду вас! У нас будет новая жизнь, Нора! Наша новая жизнь!

Часть вторая

Надеяться

10

Кале. Июль 2016 г.

Даже рискуя вывалиться, высунувшись в окно их новой квартиры на четвертом этаже, Бастьен не мог увидеть прибрежную полосу или хотя бы голубоватый горизонт. Похоронить себя в Кале и не иметь даже вида на море. «Игра не стоит свеч», – сделала вывод его четырнадцатилетняя дочь.

Они переехали три дня назад, и посреди гостиной все еще виселись картонные коробки с вещами, которым предстояло постепенно распространиться по комнатам.

Звук разбившегося стакана вывел Бастьена из задумчивости, и он пошел на шум. Прислонившись спиной к дверному косяку в кухне, он посмотрел на жену.

– Все в порядке, Манон?

– Да. Это я специально, – улыбаясь, призналась она.

В рубашке, расстегнутой на одну лишнюю пуговку, словно собиралась выйти из дому, она вооружилась совком и веником, повязала короткие волосы красным платком и объяснила свой поступок:

– Говорят, это к счастью, когда переезжаешь.

Бастьен взглянул на разноцветные осколки на полу.

– А может, надо было разбить обычный, а не цветной?

Его замечание на мгновение озадачило Манон.

– Ну что же, значит, я просто грохнула стакан, – разочарованно согласилась она, выбросила цветные стеклышки в мусорное ведро и заглянула в холодильник. – Хорошо бы ты сходил на охоту, у нас на вечер вообще ничего нет.

Бастьен пренебрег повешенной на дверную ручку табличкой «Вход воспрещен». Дочь лежала на кровати, уткнувшись в планшет, и не обратила на него никакого внимания. Добрую часть комнаты занимала груда коробок, помеченных ее именем, которое она ненавидела, как и собственное отчество: Жад¹⁷.

– Не хочешь разобрать свои вещи?

– Предпочитаю пока подождать. Вдруг вы измените свое решение.

Для порядка Бастьен нахмурился:

– Только не шути так с матерью, ладно? И вставай, пойдем в магазин.

– Пять минут, только твитну всему миру о своем отчаянии.

– Имей в виду, через десять секунд я вытащу из первой попавшейся коробки первую попавшуюся вещь и выкину ее. Надевай куртку.

– Флик паршивый.

– Паршивая девчонка.

¹⁷ Jade (фр.) – нефрит.

* * *

Они свернули с Королевской улицы и направились в сторону покрытой однообразной серой плиткой Оружейной площади, на которой возвышалась статуя четы де Голль¹⁸. Несколько почти безлюдных кафешек, один работающий магазин на три – с опущенными в разгар дня жалюзи да группа английских туристов – вот и все признаки человеческой жизнедеятельности. Бастьену внезапно потребовалось больше, захотелось чего-то прекрасного, чтобы успокоиться относительно их будущей жизни в этом городе.

– Может, пройдемся немножко до пляжа?

– А разве нам не велено наполнить холодильник? Почему ты нам это навязываешь?

– Потому что я твой отец, потому что мне хочется прогуляться с тобой. И даже если ты не можешь сказать ничего интересного, мне и этого будет довольно. Ты хоть понимаешь, как сильно я тебя люблю?

Движением, выражающим согласие, Жад схватила Бастьена за руку. Они покинули площадь и через каких-нибудь двадцать метров уже шли вдоль каменных доков, покрытых пятнами зеленых водорослей, и мимо причалов, принимающих грузовые суда, которые своей неповоротливостью напоминали металлических китов. Кале – портовый город. Хотя Бастьен знал это, окружающая грязь заставила его на мгновение взгрустнуть, что не ускользнуло от внимания Жад и дало ей повод не слишком обольщаться. Чтобы спасти впечатление от первой прогулки, должно было случиться чудо. И оно явилось – на деревянной лошадке с сахарной ватой.

– Э... Пап, я что, брежу?..

Из ниоткуда между доками и парковкой внезапно возникла самая нелепая и неожиданная сельская ярмарка. Киоск со сладостями и десяток работающих каруселей с музыкой, крикливыми красками и яркими лампочками. Но совершенно пустые аллеи и отсутствие радостных детских возгласов придавали ей несколько тревожный вид, как если бы в каком-нибудь городке-призраке ежедневно устраивалась развеселая пирушка, на которую никто никогда не приходил.

Из кабины управления, увенчанной головой тигра из папье-маше, раздался еле различимый в грохоте музыки отчаянный голос диджея:

– Давай-давай, вертимся-крутимся. Праздник.

Бастьен с некоторой досадой взглянул на дочь:

– Пляж?

– Пляж.

Они пересекли примыкающую к пустынному луна-парку автостоянку, прошли еще несколько метров и оказались на одном из пляжей Кале. Пахнущий йодом воздух, крики чашек, такие непривычные для городского жителя, песок повсюду, насколько хватало глаз, и ощущение солнечного тепла на коже. Это был в точности тот вид с почтовой открытки, который искал Бастьен.

Жад внимательно посмотрела на море, потом перевела взгляд на ярмарку и, наконец, на отца.

– Тебя ничего не смущает?

– У меня уже есть небольшой список.

– Нет, я имею в виду вот что: твое полицейское чутье тебе ничего не подсказывает? Тебе не кажется, что мы находимся в декорациях фильма? Есть все. Абсолютно все. Кроме людей. Никчемная автостоянка, которая могла бы вместить не меньше тысячи машин, безлюдный

¹⁸ Памятник Шарлю и Ивонне де Голль, свадьба которых состоялась в Кале, был поставлен в 2013 г., в годовщину смерти бывшего президента Франции, генерала де Голля.

луна-парк и пустой пляж... в самый разгар июля! Представь, какие зимы нам предстоит провести здесь. Твою мать, но что мы здесь забыли?!

Бастьен в замешательстве пробормотал:

– Не говори «твою мать».

Затем он мысленно постановил, что их прогулка потерпела фиаско, и вернулся к первоначальному заданию: добыть в супермаркете пропитание в вакуумной упаковке. Надо вернуться на Королевскую улицу, пересечь Оружейную площадь по направлению к исторической каланче, гигантской Сторожевой башне с четырьмя часовыми циферблатами, охраняемыми флюгером в виде дракона.

По пути они продолжили разговор.

– С тех пор как мы здесь, у тебя постоянно обеспокоенный вид. Это из-за новой работы? – спросила Жад.

– Нового места службы, а не новой работы. И я прекрасно справлюсь.

– А мама?

– Я надеюсь, здесь все наладится. Надо просто быть к ней повнимательней. И стараться мыслить позитивно.

Где-то вдалеке Бастьен различил слабый, но постоянный сигнал тревоги.

– Типа, когда она пытается освятить дом разбитым стаканом, не говорить ей, что он неправильного цвета?

– Увы, я сообразил уже после того, как сказал...

Инстинктивно он схватил дочь за руку: проходя мимо парка Ришелье, Бастьен понял, что звук был не только непрерывным, но и все более громким. И что он с дочерью идет прямо на него, хотя угроза еще не видна. Бастьен резко остановился, буквально прощупал взглядом окрестности. И непроизвольно, стараясь защитить, заслонил дочь своим телом.

– Папа?

В начале улицы, судя по разному двигателю, на предельной скорости появился грязный красный автомобиль с разбитым ветровым стеклом и уже сильно вмятыми боками. Колеса на какой-то момент утратили контакт с асфальтом, затем машина вновь обрела устойчивость, набрала скорость – чрезмерную для того, чтобы выполнить круговое движение, – и пересекла перекресток прямо по центру. Тут, ударившись о бордюр, она буквально взлетела и приземлилась точно в автобусную остановку, которая развалилась на куски, словно расстрелянный из винтовки арбуз. Гудок, вероятно вследствие короткого замыкания, продолжал завывать, а потом постепенно заглух, перейдя от пронзительного завывания сперва к низкому, а потом и к полному молчанию. Оторвавшись от металлической арматуры, последний кусок стекла упал на тротуар, и этот звук, как выстрел стартового пистолета, перевел Бастьена в режим «флик».

– Стой на месте и звони пожарным, – приказал он Жад.

Из окон высунулись любопытствующие, а на улице первые зеваки уже снимали происшествие на телефоны. Бастьену с третьей попытки удалось открыть левую переднюю дверцу, и он обнаружил за рулем повисшего на ремне безопасности бездыханного молодого человека с распухшим лицом и в залитой кровью рубашке. Бастьен высвободил его, просунул руки ему под мышки, вытащил из автомобиля и уложил на землю. Веки парня поднялись, но глаза, неспособные сосредоточиться на чем-либо, бессмысленно вращались.

Бастьен приподнял полу его рубашки и увидел довольно глубокий боковой порез, не меньше десяти сантиметров длиной. Ему случалось видеть ножевые ранения, и в данном случае это было именно оно. Бастьен снял с парня куртку, свернул ее комом и положил на рану, придавив сверху коленом – чтобы руки оставались свободными. Предполагая наличие других ран, он не стал терять времени и рывком, так что разлетелись оторванные пуговицы, дернул в стороны полы рубашки, обнажив безволосую грудь молодого человека. Открывшееся ему зрелище вызвало у Бастьена противоречивые чувства. Отсутствие других ран успокоило его

относительно жизненного прогноза жертвы. Но вытатуированная на всей правой стороне груди свастика глубоко оскорбила его.

Услышав приближающиеся sireны пожарных, он приподнял ноги раненого, чтобы уменьшить приток крови, и продолжал сдерживать кровотечение, все так же давя коленом на рану.

– Ты выпутаешься. Не знаю, хорошо ли это, но ты выпутаешься.

Бастьен поднял глаза и встретился со взглядом дочери, которая подошла к нему, несмотря на его приказание. Девушка смотрела на отца, на его покрытые кровью руки, которые удерживали парня между жизнью и смертью.

Чертова первая прогулка.

Офицер пожарных проверил полицейское удостоверение Бастьена, который устроился на лужайке транспортной развязки, и, махнув рукой, указал на него какому-то флику. Тот подошел и поприветствовал Бастьена, почти позабавленный сложившейся ситуацией.

– Лейтенант Миллер? Людовик Пассаро, командир бригады по борьбе с преступностью¹⁹ города Кале. Вам не терпится приступить к служебным обязанностям?

– Я начинаю только завтра.

– Судя по тому, что я вижу, вы идете с опережением на день. Вам известно, кого вы спасли?

– Какого-то кретина со свастикой.

– Все гораздо сложнее.

Бастьен попросил разрешения уйти: рядом стояла Жад, скорее заинтересованная, нежели шокированная увиденным.

– Если вас не затруднит, вы расскажете мне все завтра в конторе. Я бы хотел отвести дочь домой.

– Разумеется, это может подождать.

Пассаро отступил в сторону, и мужчины на прощание обменялись рукопожатием.

¹⁹ Бригада по борьбе с преступностью – подразделение полиции комиссариата, специализирующееся на делах, требующих особого внимания и оперативной поддержки служб расследования. Члены бригады носят гражданскую одежду и пользуются транспортом без опознавательной символики. – *Примеч. автора.*

11

Комиссариат Кале

Шаг у комиссара Дорсэ был короче, чем у Бастьена, так что лейтенант принаравливался к нему, чтобы не обогнать начальство в главном коридоре комиссариата Кале. Шеф регулярно смотрел прямо в глаза вновь прибывшего, как если бы хотел убедиться, что его не разыгрывают. Еще один офицер здесь – что-то неожиданное. Даже сомнительное.

– Если начистоту, я не знаю, чего от вас ожидать, лейтенант Миллер.

Он вдруг резко развернулся, вынудив Бастьена сменить направление, чтобы не отстать от него. Все в этом четырехэтажном здании из красного кирпича было тесным: и коридоры, и кабинеты, которые Миллер мог видеть через приоткрытые двери.

– Никто по своей воле не выбирает Кале, – продолжал комиссар. – Так что нам даже пришлось блокировать прошения о переводе. Однажды оказавшись в этом комиссариате, его уже невозможно покинуть. Вы знали об этом?

– Скорее, нет.

– Естественно, это ведь почти противозаконно. Если бы мы допустили переводы по службе, то в первый же месяц потеряли бы сорок процентов сотрудников. Поэтому ваше добровольное присутствие здесь вызывает у меня множество вопросов. А главное, я надеюсь, что вы не являетесь подсадной уткой.

Комиссар внезапно остановился перед запертой дверью и взялся за ручку.

– Отзывы о вашей службе в Бордо положительные, ваш бывший руководитель группы оценил вас выше среднего, и вам не навесили никакого ярлыка. Так скажите мне, где тут собака зарыта?

– Успокойтесь, ее нет. Просто-напросто семейные обстоятельства.

Комиссар внимательно оглядел нового члена своей команды. Тридцать пять лет, как сказано в его деле. Гладко выбрит, специально принарядился ради первого рабочего дня, каштановые волосы в аккуратном беспорядке. Дорсэ попытался представить, в каком состоянии Миллер будет через пару месяцев.

– Готовы познакомиться с группой?

В этом-то и заключалась вся проблема. Миллер, едва переступив порог комиссариата, вел себя не более приветливо, чем парижский таксист, ограничиваясь лаконичными фразами. Он отдавал себе в этом отчет. И был не в восторге от собственного поведения. Но все же предпочитал сойти за молчуна или дурно воспитанного типа, чем за того, кем он был на самом деле – растерянным лейтенантиком, отслужившим жалких три года, который готовился в качестве руководителя группы познакомиться со своей самой первой командой.

Дверь открылась, и они оказались в помещении размером едва ли пятнадцать квадратных метров, с тремя столами. Преимущество: одного постера хватило на то, чтобы украсить это место, а судя по его пожухлым краскам, он висит здесь с самого начала. На афише фильма «Побег из Шоушенка» Тим Роббинс был бледным, а Морган Фримен почти белым. Двое сидевших в кабинете сотрудников подняли головы, покинули свои столы и направились к Бастьену, чтобы познакомиться с ним.

– Рядовой Лорис, мое почтение, лейтенант.

– Капрал Корваль, мое почтение, лейтенант.

Бастьен пожал каждому руку. Искреннее рукопожатие Лорис. Вялое и влажное – Корваля. На лице комиссара появилось довольное выражение человека, с успехом выполнившего свою миссию, и под предлогом совещания с префектом он их покинул. Оставшись без высшего руководства, Бастьен начал все сначала и обратился к своим подопечным:

– Если вы не против, давайте заново, на этот раз с именами. Я Бастьен. Не лейтенант, не месье, не Миллер. Просто Бастьен.

Лорис опять подошла к нему. Тонкий черный свитер и обтягивающие джинсы, лет двадцати, янтарно-смуглая – видимо, какая-то смесь кровей, – на бедре оружие в кобуре из блестящей кожи.

– Эрика Лорис, рада вашему прибытию.

Затем настал черед Корваля. Растянутая футболка, широкие штаны, толстячок, пытающийся скрыть живот. Явно лет сорок, черные волосы зачесаны назад.

– Рубен Корваль, добро пожаловать.

– А остальные? – удивился Миллер.

– Не хватает Мартена, он в депрессии, и Шабера – у него уже девять месяцев отпуск по болезни в связи с ранением колена.

– На службе ранен?

– Нет, на футбике.

– А ваш бывший офицер? Я слышал, что покинуть комиссариат Кале невозможно, как же ему это удалось?

– Как я вам уже сказал, порвал связки на футболе девять месяцев назад. В это никто не верит, но каждые три месяца ему продлевают больничный.

Чтобы въехать, Миллеру понадобилось две секунды.

– Подождите... Так сколько же вас? Опербригада из двух человек – это не канает.

– С вами – из трех, – попыталась успокоить его Эрика. – Мы охраняем и поддерживаем порядок, с преступностью в Кале скорее спокойно. Работу нам поставляют только патрули, потому что бригаду по борьбе с преступностью монополизировали «Джунгли». Слыхали про них?

– Еще бы.

– Десять тысяч беженцев, которые каждый вечер устраивают бардак, чтобы любыми способами добраться до Англии, – добавил Корваль.

Бастьен повесил куртку на стул перед свободным столом. За один день ему не понять ни своих напарников, ни своей реальной работы, поэтому он принялся за то, что умел делать лучше всего.

– Я полагаю, мы постепенно познакомимся лучше, а самое простое – узнать друг друга в работе. Так что, если вы дадите себе труд кратко ввести меня в курс относительно всей совокупности предварительных материалов наших дел и тех, что сейчас в разработке...

– Сейчас? Вообще ничего, – сообщил довольный Корваль.

Бастьен вспомнил грохот уничтоженной красной тачкой автобусной остановки.

– Даже ни одного приметного ранения в живот у какого-нибудь пронациста?

Корваль подхватил тонкую, как брошюра, папку и кончиками пальцев подтолкнул ее к Миллеру.

– Это вы про малютку Кевина? Если немного повезет, магистрат переквалифицирует дело в покушение на убийство. А преступления отправляются в судебную полицию. Надо только подождать.

– А вам не хочется немного продвинуть расследование?

– Пахать как волю, чтобы потом у нас его отобрали и все лавры достались судебной полиции? Пожалуй, не хочется.

Мысленно Бастьен надавал себе кучу пинков под зад. Но внешне сохранил вид слегка незрелого офицера, парализованного выбором из многих вариантов и задумавшегося, как поступить. Из этого ступора его вывела Эрика. Впрочем, худшее свершилось, и Корваль уже нащупал слабое место старшего по званию, чтобы ублажать свою леность.

– Его зовут Перш. Кевин Перш. Это один из основателей сообщества «Разгневанные жители Кале», – сказала Лорис.

– Разгневанные на кого?

– В основном – на беженцев.

– И нам известны его враги?

– На самом деле, я вот размышляю, знаем ли мы его друзей. У него был сложный год.

– То есть?

– Давайте я познакомлю вас с тем, кто лучше осведомлен об этом. С журналистом. Годится?

Эрика одним движением надела куртку, сунула в карман ключи от автомобиля и, прихватив материалы дела, открыла перед Миллером дверь, а Корваля оставила шарить по сайтам турфирм, хоть он никогда в жизни не покидал Па-де-Кале. В коридоре Бастьен по-прежнему испытывал смущение за свое провальное первое выступление в роли руководителя.

– Ваш бронежилет, оружие, наручники и нарукавная повязка доставлены еще вчера. Когда выдастся минутка, надо будет сходить за ними в кладовую оружия... – Она помедлила, а потом продолжила: – Или послать кого-нибудь, кому, например, больше нечего делать.

Миллер колебался всего долю секунды, прежде чем смекнул, что важно отбить удар, чтобы подчиненный не взял на себя роль альфа-самца. Он вернулся и с размаху распахнул дверь кабинета.

– Корваль, пока мы будем отсутствовать, будьте любезны сходить к оружейникам и забрать у них мое снаряжение. И положите все в служебный сейф.

– Мне сегодня надо уйти пораньше, – пробурчал толстый бездельник.

– Тогда не теряйте времени.

Широко улыбаясь и пребывая в полной уверенности, что пометил свою территорию, Миллер спустился по лестнице, перескакивая через две ступеньки, и вышел на парковку, где его поджидала Эрика с самокруткой в зубах. Она трепалась с тремя фликами, среди которых он даже со спины узнал солидную фигуру руководителя бригады по борьбе с преступностью.

– Мое почтение, лейтенант.

– Здравствуйте, Пассаро.

– Малышка сказала нам, что вы оставляете себе дело Кевина Перша?

– Пока оно не переквалифицировано в покушение на убийство, не вижу причин слишком сильно волноваться по этому поводу.

– Ого, опербригада, которая пашет, это меняет дело, – усмехнулся один из фликов, входивших в группу Пассаро. – Каждый раз, когда вашему предшественнику предлагали дело, он сматывался, семена, словно маленькая девочка, которая хочет пи-пи.

Руководитель бригады по борьбе с преступностью досадливо глянул на напарника с гладко выбритым черепом и представил присутствующих:

– Простите, лейтенант. Представляю вам Кортекса²⁰, это наш умник, который никогда не знает, когда следует заткнуться. А позади него, на капоте нашего нового автомобиля, который, однако, очень скоро отрихует свой вид, сидит Спринтер.

Тот, жилистый как канат, поднялся и приветствовал Бастьена болезненно ощутимым рукопожатием.

– Разумеется у них есть настоящие имена, но я их давно забыл, – завершил процедуру знакомства Пассаро.

– А вы? – с любопытством спросил Миллер.

²⁰ Cortex (фр.) – кора головного мозга.

– А он Анестезиолог, – развеселилась Эрика. – В команде по регби говорят, что его удар отшибает мозги. Короче, это зверь.

Пассаро расхохотался, даже не подумав возразить на такой комплимент. Эрика направилась к их машине без опознавательных знаков, уверенным движением согнала восседавшую на крыше чайку, и Бастьен сел в салон под укоризненные крики птицы.

12

Бастьен следовал за Эрикой по коридорам редакции местной газеты «Северное побережье», как за экскурсоводом в музее. Возле стола секретаря она достала полицейское удостоверение:

– Соедините, пожалуйста, с Тома Лизьоном.

Секретарь набрала номер, и спустя несколько минут журналист уже вел их к своему кабинету. Эрика снова взяла разговор в свои руки.

– Том, представляю тебе моего нового начальника, лейтенанта Бастьена Миллера.

– Так это вы спасли Кевина? Как раз в тот момент, когда его карма решила отомстить за себя, – усаживаясь в кресло, пошутил журналист.

– У меня складывается впечатление, будто на меня за это почти сердиты, – сыронизировал Бастьен.

– Именно поэтому мы здесь, Том, – пояснила Эрика. – Расскажешь лейтенанту, что тебе известно?

– А что я с этого буду иметь?

– Вечно одна и та же песня. Ты предсказуем, как восход солнца. Тебе не кажется, что в твоих интересах иметь хорошие отношения с фликами?

Едва заметно улыбнувшись, Лизьон сдался и, кликнув мышкой, включил компьютер.

– Я распечатаю вам опубликованные статьи, это избавит вас от необходимости записывать. Вкратце: Кевин Перш состоял в сообществе «Разгневанные жители Кале», пока его оттуда не вышвырнули. Но если мы начнем с Кевина, я вас запутаю. Вы располагаете временем?

– Это наше единственное текущее дело, – ответил Бастьен.

Журналист налил две чашки крепкого кофе для себя и нового лейтенанта, который, и это ему зачтется, уже подержал город за пульс, прежде чем подумать о том, сможет ли он установить здесь подобие порядка.

– С закрытием в две тысячи третьем году лагеря в Сангатте²¹ приток беженцев не прекратился. Разумеется, он продолжался, однако принимать их было уже негде, а люди по-прежнему хотели попасть в Англию. А значит, оставаться вблизи портов, чтобы пересечь Ла-Манш. В результате они принялись самовольно занимать все пустующие жилые дома, все заброшенные здания, сады, парки, мосты – и это очень скоро стало невыносимо. Тогда потребовалось найти какое-то место, куда их можно было бы загнать. Вдоль побережья, вдали от центра города, между лесом и дюнами, по соседству со свалкой располагалось старое кладбище. При помощи бульдозеров государство сровняло его с землей и спустя год предложило беженцам обосноваться там. Они прибывали тайком. Поначалу было не больше сотни любопытствующих, потом информация распространилась по миру, и нахлынули тысячи. Так родились «Джунгли».

– Как-то не слишком политкорректно. Кто придумал название?

– Не усматривайте в этом расизма, назвать так лагерь придумали сами иранские беженцы. Прибыв на место, они увидели участок леса и назвали его «Лес». На фарси «jāngal». А мы здесь услышали это слово, как произнесенное по-английски, «jungle». Обычное квипрокво. А затем это было сознательно забыто. Но не всеми. Темой завладели средства массовой информации, Кале перестал быть украшением Опалового берега Франции²² и превратился в город мигрантов и проблем с их размещением. Туризм в рекордно короткие сроки закончился; и даже англи-

²¹ Французский Красный Крест открыл лагерь в *Sancti* в 1999 г. 31 декабря 2002 г. бараки, в которых размещался лагерь, были снесены.

²² *Опаловый берег* – 120 км прибрежной полосы от франко-бельгийской границы до бухты Сом с такими городами, как Дюнкерк, Кале, Сент-Омер, Булонь-сюр-Мер, Монрёй и др. Это название придумал в 1911 г. житель Ле-Туке, художник, писатель, ботаник Эдуар Левэк, сравнив особый цвет местных пейзажей с опалом.

чане, с тех пор как их таблоиды заговорили о гражданской войне, не торопятся приезжать сюда. Недвижимость упала в цене почти на сорок процентов, стали закрываться магазины и торговые склады. Самое крупное наше хозяйство и наш ресурс рабочих мест – это порт. Десять миллионов пассажиров в год пересекают Ла-Манш через Кале. Вдобавок это важнейший европейский порт транспортных грузоперевозок.

– Фургоны с грузами перемещаются в Англию на специальных судах, – пояснила Эрика Бастьену, в котором явно отсутствовала морская жилка.

– Но водители грузовиков умирают от страха, а транспортные компании ищут другие порты, стремясь избежать Кале.

– Что, именно из-за беженцев? – удивился Бастьен.

Лизьон бросил на него косой взгляд, как если бы только сейчас осознал, насколько недооценил масштаб пробелов в познаниях лейтенанта. Тон журналиста сделался почти снисходительным.

– Знаете, как им все-таки удастся забраться в грузовики? Они берут тяжеловозы приступом. Нападают на водителей. Провоцируют несчастные случаи, сильно смахивающие на хорошо организованные захваты. Устраивают пробки и пожары на национальных трассах. Слышали о таком?

– Видел репортажи по телеку, но подробностей, пожалуй, не знаю, – признал Бастьен.

– В таком случае эту часть пока отложим, ее возьмет на себя Эрика. А я возвращаюсь к «Разгневанным жителям Кале». Первой их задачей было заснять на видео и выложить в социальных сетях повседневную жизнь Кале. Тяжелые будни горожан в соседстве с вновь прибывшими без связей и без денег и попытки этих последних, порой крайне жестокие, перебраться в Англию. Потом к этому процессу присоединились экстремисты, «Охотники на мигрантов», которые организовывали погромы и «охоты на черных». Кое-кто называл это «сафари». Вот в этой-то атмосфере ненависти, подобно личинке комара в болоте, и развился Кевин. Однако очень быстро, в связи с реакцией в социальных сетях, сообщество «Разгневанные жители Кале» притихло, и свободные электроны оттолкнулись. Сегодня сайт по мере сил старается распространять только видеозаписи свидетельств, без комментариев. Я бы сказал, что время от времени это отдает ксенофобией, но они себя контролируют. Вдобавок они знают, чем рискуют, имея дело со мной.

– Плохая статья? – пошутил Бастьен.

Задетый за живое, журналист крутанулся на стуле и принялся перелистывать старые выпуски в поисках номера, который мог бы утереть нос зеленому флику. Он вытащил из стопки газету полугодичной давности и с гордостью выложил ее на стол. Серию фотографий пользователей Сети и текст, где дословно цитировались их расистские комментарии и призывы к жестокости по отношению к беженцам, обнаруженные на персональных и публичных страницах, предварял заголовок «Лики ненависти». И в первом ряду фигурировал Кевин Перш со своими близко посаженными пороссячьими глазками. Его слова были жестоки: «Для тех, кто не утонул и не попал под грузовик, следовало бы предусмотреть концентрационные лагеря», а еще там красовался хештег «#labonneépoque»²³. В свете подобных разнузданных высказываний свастика на груди этого парня дополняла картину робкого протеста.

– Именно после этих комментариев он стал нежелательным членом сообщества «Разгневанные жители Кале». Впрочем, сиротой он оставался недолго. До меня дошли слухи, что его приняли в ультраправую группировку «Поколение идентитаристов»²⁴. У них есть отделение в Лилле.

²³ La bonne époque (фр.) – старые добрые времена.

²⁴ Это движение зародилось во Франции в 2002 г. Своей главной целью идентитаристы провозгласили защиту собственной идентичности в условиях нашествия иммигрантов и политики мультикультурализма. Выступают против массовой иммиграции и исламизации. Идентитаристы напрямую поддерживают идеи культурного расизма, ксенофобии и расизма. Они также

– И вы выложили это на первую страницу? – недоверчиво спросил Бастьен.

– Это называется «Стена позора». Нечто подобное сделала немецкая газета «Бильд». Вас это оскорбляет, лейтенант?

– Не слишком. Но если все в курсе, значит мой список подозреваемых только что увеличился. Анархист, ультралевый, мститель, беженец в состоянии самообороны... По тому, что мы об этом знаем, может быть кто угодно.

– Я уже вам говорила, Кевин Перш давно пользуется отсрочкой в Кале, – вступила в разговор Эрика. – Во всяком случае теперь вы знаете, кому спасли жизнь.

Из редакции «Северного побережья» Бастьен и Эрика вышли, нагруженные кипой распечатанных документов.

– Лизьон хороший журналист, а главное – здешний уроженец. Он в курсе многих дел и вдобавок всех знает. Вот я и подумала, что вам следует с ним познакомиться.

Бастьен объединил несколько частных вопросов в один личный:

– Вы запросто разговариваете с ним, обращаетесь к нему на «ты» и без колебаний набрасываетесь на него. К тому же он знает, что вы не пьете кофе, потому что приготовил только две чашки. Из чего я делаю вывод...

– Увы, – прервала его Эрика, которая не испытывала ни малейшего желания услышать окончание этой фразы. – Не лучшее решение в моей жизни. Теперь это уже в прошлом.

* * *

Комиссариат Кале

18:30

Бастьен набрал код служебного сейфа и обнаружил, что тот пуст, за исключением лежащих в нем серебряных печаток и нескольких граммов гашиша, которым пропахло все замкнутое пространство. Ни оружия, ни бронежилета, ничего из его личных вещей.

Нахмурившись, он прошел по коридору, бросил куртку на стол и в тот момент, когда уже был готов взорваться, заметил у себя на столе записку: «Флику лучше быть при пушке».

Меньше чем через минуту Бастьен постучал в дверь бригады по борьбе с преступностью, и навстречу ему широко заулыбался здоровяк Пассаро. Кортекс заканчивал печатать отчет о проделанной за день работе, а Спринтер заталкивал бутылки с водой в холодильник, на дверце которого красовалась наклейка «Ребенок в машине», сама по себе представляющая образчик полицейского юмора. Пассаро открыл боковой ящик своего письменного стола и вынул из него все то, что должно было находиться в сейфе. Оружие, наручники, нарукавную повязку и бронежилет.

– Я просил об этом Корваля, – пробурчал Миллер.

– А он покинул службу через минуту после вас, похваставшись, что ничего не сделал. Завтра надо будет все-таки подписать в оружейной журнал исходящих, чтобы оформить все в надлежащем порядке.

– Есть псы, которые понимают команды, и такие, которых надо лупить, – заметил Кортекс, не поднимая головы от своего рапорта. – Надо действовать соответствующе.

Оценив ситуацию, Бастьен сказал себе, что Корвалю подошел бы строгий ошейник. Забирая свое обмундирование, он решил кое-что прояснить:

– У меня впечатление, что лагерь беженцев является центром напряженности. Вы часто бываете в этих «Джунглях»?

– В окрестностях – часто. У входа – когда требуется. Но внутри – редко. Это одновременно зона, где не соблюдаются законы, и трущобы.

– А в чем заключается ваша работа?

Пассаро на мгновение утратил добродушие. Кортекс и Спринтер не стали отвечать ни всерьез, ни в шутку.

– Мне было бы почти стыдно это описывать, – признался Пассаро. – Это надо пережить. Но никому не хочется переживать подобное. Нам это плохо удается.

13

*Леваллуа-Перре*²⁵ *Генеральное управление внутренней безопасности* и²⁶ *(контрразведка)*²⁷ В тот же день

Зазвонивший мобильный телефон на сутки опережал события. Выход на связь был по средам, и не имелось никаких причин что-либо менять. Майор Парис запер дверь кабинета, подготовил ручку, раскрыл черный потрепанный блокнот и только потом ответил.

– Сегодня плохой день, – спокойно произнес он.

– Знаю, твою мать! – ответил молодой, чрезмерно напряженный голос.

– Какая-то проблема?

– Разумеется, проблема! При каждом звонке я рискую спалиться и звоню вам не для того, чтобы узнать свой гороскоп. – Неловкий щелчок зажигалки и глубокий вдох. Голос умолк, пока раскуривалась сигарета, потом продолжил: – Вчера сорвалось. Потасовка, которая плохо закончилась. Саль узнал одного фашика из «Поколения идентитаристов», того типа с вытатуированной свастикой. А потому психанул и расвирепел.

Майор, не испытывающий никакого интереса к этим сведениям, отложил ручку и закрыл блокнот; он был слегка раздосадован нарушением протокола из-за банальной драки. Но все же постарался сохранить возможную вежливость.

– А если серьезно, мне-то что с этим делать? Вы отклоняетесь от своего задания.

– Я как раз об этом. Если вы по-быстрому не поможете, мне будет сложно продолжать.

– Говорите яснее.

– Вначале Саль хотел просто задать ему взбучку и записать все на видео, чтобы унижить говнюка. Только вот фашик оказался доска доской, он не чувствовал ударов. Чем больше его били, тем более странным становился. Я попытался их разнять, и мне разбили нос. Я даже не уверен, не Саль ли постарался, он молотил почти с закрытыми глазами.

Представив себе окровавленное лицо своего протеже, Парис улыбнулся.

– Потом все изменилось. Тот взял верх, и Саль достал ножик. Не знаю, умышленно ли он воткнул его, но мы увидели, как лезвие стало красным, а тот тип согнулся пополам. И тогда мы дали деру.

Слегка заинтересовавшись, Парис снова раскрыл блокнот.

– Вы хотите сказать, что он мертв? – спросил он, будто просто хотел получить дополнительную информацию.

– Нет. Сегодня утром об этом написали в газете. Он выкарабкается. Но боюсь, из-за всего этого бардака у него на рубашке оказалась моя кровь, а вы знаете, что я известен полиции. Напомню, именно так вы меня и завербовали. А значит, меня вычислят меньше чем за семьдесят два часа. Вот почему я звоню вам! Если вы хотите, чтобы я и дальше поставлял вам сведения о жизни «Джунглей», меня надо выводить из этого расследования.

Наступившее за этими словами молчание только усилило напряжение.

– То есть вы намерены меня бросить, да? – спросил обеспокоенный голос.

– Не будьте параноиком, я размышляю.

²⁵ *Леваллуа-Перре* – город и коммуна во французском департаменте О-де-Сен, округ Нантер, административный центр двух кантонов.

²⁶ *Генеральное управление внутренней безопасности* – служба, возникшая при слиянии службы общей информации и дирекции по контролю за территорией. В его задачу входит противодействие шпионской деятельности и борьба с терроризмом и экстремизмом. – *Примеч. автора.*

²⁷ *Контрразведка Французской республики* (Главное управление внутренней безопасности МВД) – одна из специальных служб Франции. Сформировано в 2014 г. в результате реорганизации Главного управления внутренней разведки Министерства внутренних дел.

Майор поднял глаза и встретился взглядом с шефом, который сидел напротив и внимательно слушал разговор. Тот в знак одобрения кивнул.

– Хорошо. Посмотрим. Следующий контакт завтра в десять. Назову вам место встречи. Повторите.

– Да ладно, понял я, завтра в десять.

Майор Парис поднялся со стула и встал возле плотно облепленной фотографиями стены. Неповоротливый, как Дед Мороз, он провел ладонью по стриженной бородке, поседевшей к его шестидесяти годам, из которых сорок прошли в разведке. Молчавший все это время шеф заговорил:

– Напомните-ка мне про этого вашего внедренного.

– Конечно, господин комиссар. Александр Мерль, двадцать семь лет, завербован контрразведкой меньше года назад.

– Как мы его держим?

– Это член ультралевой группировки «No Border», выступающей за отмену границ, которая незаконно квартирует в «Джунглях» Кале и облегчает переезд мигрантов в Англию. Именно они спровоцировали блокировку тоннеля под Ла-Маншем. Они же в январе этого года пошли на abordаж парома. Личность Мерля как участника обеих операций была установлена, и, чтобы избежать шести месяцев тюрьмы, он пошел на сделку с нами. Он из хорошей семьи, отец – хирург, мать – руководитель отделения банка. Он бы ни за что не выдержал полгода заключения.

– Однако он ставит нас в скверное положение. Расследование этого вооруженного нападения будет наверняка передано в судебную полицию. Кстати, в Кале есть судебная полиция?

– Нет, она располагается в нескольких километрах оттуда, в городке Кокеле.

Комиссар подошел к майору, который собрал на стене всю информацию об их операции. В центре – фотография рыжего парнишки в шерстяном пуловере и пестрых штанах, с подписью «МЕРЛЬ» – того самого, чей встревоженный голос только что вызвал о помощи. Под другой фотографией, расположенной выше, было написано «САЛЬВАДОР, он же Саль, лидер базирующегося в Кале отделения „NO BORDER“». Тридцатилетний молодой человек средиземноморского типа с длинными каштановыми волосами. Комиссар отступил на два шага, подобно тому как камера переключается на общий план. Таким образом Мерль оказался в центре других фотографий, занимавших целиком всю стену и иллюстрирующих сложное расследование, над которым вот уже год работала группа майора Париса. Мечеть. «Джунгли» Кале – снимок с вертолета. Оружие, захваченное в грузовике. Взорванный автомобиль возле здания с разлетевшимися стеклами. Список фамилий. Утыканная флажками карта Африканского континента. И семь снимков человеческих лиц в очень слабом разрешении, как будто сделанных длиннофокусным объективом.

– Есть ли среди этих шести фотографий ваша цель? – поинтересовался комиссар.

– Фантом? Да. По сведениям нашей группы в Тунисе, он ведет себя подозрительно. Почти не перемещается и больше не разговаривает по телефону. Как если бы все уже было готово и ему осталось только перейти к действию.

– Фантом. Неплохая кличка для вербовщика ИГИЛ.

Парис бросил взгляд на шесть вывешенных на стене портретов.

– Которую ему осталось носить недолго – мы вот-вот до него доберемся. Перед тем как он исчез с радаров, по нашей последней прослушке мы поняли, что он избавился от двух ближайших пособников.

– Избавился?

– Сомневаюсь, что мы когда-нибудь еще услышим о них, если это то, о чем вы хотите знать. Что для нас скорее хорошо. Это, возможно, наша единственная возможность наконец идентифицировать его. Если повезет, он сам явится вербовать людей, а по имеющейся у нас

информации, есть большая вероятность, что он собирается делать это в «Джунглях» Кале. К сожалению, никто из посторонних не может туда и шагу ступить – его сразу развернут; отсюда наша заинтересованность в контакте внутри лагеря: Мерль и его «No Border».

– Хорошо, я позвоню в судебную полицию Кокеля и передам, что вы их навестите. Поскольку Мерль – ваш осведомитель, разумеется, вам и идти по следу.

Пузатый Парис опустил взгляд, но носков своих ботинок увидеть не смог.

– Я вот уже десять лет не работаю на местности, мсье.

Комиссар вздохнул.

– Вы преследуете Фантома с тех пор, как я заступил на службу, и сегодня я по-прежнему не могу поздравить вас с тем, что вы близки к цели, – миролюбиво начал он. – Значит, поезжайте в Кале, как солидный турист снимите номер в гостинице, пригласите к себе Мерля, покажите ему шесть имеющихся в нашем распоряжении фотографий, пустите его по следу и ждите. Валяться в гостиничном номере – это ведь вам пока по силам? Вытащите парня из этого сраного дела о поножовщине и верните к работе.

14

Взгляд Манон подробно останавливался на каждой детали отцовского кабинета, как если бы она заново открывала его для себя. Только здесь, в доме своего детства, она обретала подобие успокоения. У нее за спиной тихонько скрипнул пол. Манон обернулась, улыбнулась матери и продолжила осмотр комнаты, как не раз делала в детстве.

– Думаю, Жад скоро уснет.

– Ты устроила для нас королевский ужин, мамочка. Любой рухнул бы после такого.

Манон задержалась возле одной фотографии и прикоснулась к рамке пальцем.

– Это была его любимая, – шепнула мать.

– Сомневаюсь. Папа ненавидел, когда его фотографируют.

Время недавней кончины отца удерживало ее в этой жизни, как якорь удерживает корабль. Но здесь она могла делать вид, что ничего не изменилось.

– Эта карточка здесь так давно, что ты, должно быть, позабыла, как она появилась. Именно ты сделала ее своим первым фотоаппаратом, который он тебе подарил. Он любил не столько этот снимок, как тот взгляд, которым ты его увидела в тот день.

На мгновение погрузившись в черно-белое воспоминание, Манон грустно улыбнулась.

– Я кое-что отложила для тебя. На чердаке. Хочешь, покажу?

Мать и дочь поднялись на второй этаж, а дальше пошли по такой узкой лестнице, что должны были двигаться гуськом. На последних ступеньках Манон толкнула люк в потолке, зацепила его специальным крюком и шагнула под самую крышу родительского дома. Она щелкнула прикрепленным к балке выключателем, и по всему пространству чердака разлился свет. Старая одежда, давно позабытые книги, велосипед без одного колеса – все отцовские вещи, от которых никому не приходило в голову избавиться, хотя они занимали бо`льшую часть помещения. А к чему тогда иметь большой дом, оправдалась ее мать, когда один дальний родственник сделал ей замечание.

– Посмотри в шляпной коробке – там, в глубине.

Манон сдула с крышки пыль и открыла коробку. Внутри она увидела Карлов мост с его музыкантами, музей Альфонса Мухи, картины которого когда-то на долгие часы погружали ее в гипнотическое состояние, кафе в стиле ар-нуво, треугольный фасад дома Кафки, астрономические часы, еврейское кладбище с покосившимися надгробиями и величественный готический собор Святого Вацлава в Праге. Путешествие дочери с отцом, о котором тот сохранил все воспоминания, чтобы удержать этот момент ее детства. В маленькой шляпной коробке.

Под разными открытками, пластинками негативов и какими-то рулонами чистых пленок Манон обнаружила фотокамеру своего отрочества. Она взяла аппарат в руки. Ей вспомнилась его тяжесть, его форма и мир, каким она видела его через объектив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.